
СОЦИОЛОГИЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Как наводились мосты между советской и зарубежной социологией, или «self-made sociologists»^{1,2}

Б.М. ФИРСОВ

В данной главе книги Б.М. Фирсова «История советской социологии: 1950–1980-е годы» представлено несколько сюжетов, посвященных «наведению мостов» между советской и западной социологией. Одним из характерных свойств отечественной социологии, зародившейся в середине 1960-х годов, было отсутствие профессиональной социологической подготовки, которая отличала западных представителей данной науки. Дальнейшее развитие социологии в условиях советской системы столкнулось с множеством препятствий и запретов. Советские социологи, оказавшиеся скованными жесткими идеологическими рамками, были обречены на то, чтобы демонстрировать лояльность, преданность марксизму и доказывать практическую эффективность и полезность своих действий, постоянно быть боевыми помощниками партии и при этом оставаться в стороне от «буржуазной социологической науки». Однако стихия счастливого случая, позволившая установить критически важные контакты с передовыми в то время зарубежными (американскими, польскими) социологами и упорство отечественных ученых, стремящихся во что бы то ни стало перейти от абстрактных философских категорий к изучению реальной жизни общества, дали возможность советской социологии развиваться и взаимодействовать с внешним миром.

Ключевые слова: советская социология, советские социологи, эмпирическая социология, советская система, польская социология, западная социология, история социологии

¹ Данный текст печатается с разрешения Издательства Европейского университета в Санкт-Петербурге и является частью книги «История советской социологии: 1950–1980-е годы. Учебное пособие. 2-е издание». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012; www.eupress.ru.

² Написание этого очерка было стимулировано моими намерениями оставить как можно меньше белых пятен на карте нашего знания истории советской социологии и ответить на критику российских и зарубежных читателей первого издания книги [Фирсов 2001], в которой я обошел молчанием вопрос о связи советской и тогдашней зарубежной социологии. Я постарался представить мозаику профессиональных контактов и связей, которые помогали индоктринированной социальной дисциплине, какой была советская социология на первых этапах ее послесоветского возрождения, стать частью общемировой социологической науки. Одно из замечаний (на котором весьма энергично настаивал уже упоминавшийся мной в начале книги австрийский профессор М. Фюельзак) было связано с желанием увидеть признаки того, как под влиянием реалий советского общества угасало пламя революционных преобразований страны и происходило «отрезвление» социологов от слепой веры в утопии и идеологию доктринального марксизма. Мне кажется, что ответом на это замечание является содержание всей книги.

Вступительное замечание

Плюрализм мотивов социологической деятельности, о котором шла речь выше, не является единственным показателем неоднородности социологического сообщества. Новая социологическая наука была интеллектуально и идеологически неоднородной, заметил И.С. Кон в своей книге «80 лет одиночества» [Кон 2008]. Философы, составившие ядро первопроходцев, явно тяготели к общетеоретическим вопросам и обобщениям, а экономисты, к которым позднее присоединились технари, были склонны к исследованиям эмпирического толка, особым образом доверяя числу и измерению. Однако их общим свойством было отсутствие профессиональной социологической подготовки, что было едва ли не главной проблемой тех, кто создавал новую науку.

Из воспоминаний В. Ядова.

«Мы все – самоучки в социологии. В английской Times было опубликовано интервью с Ядовым под заголовком: “Self-made sociologist”. Сначала я решил, что это обидно – «самоучка в социологии». А потом вник в семантику английского и понял, что это скорее комплимент и речь идет о человеке, который сам себя сделал таким, какой есть. Значит, наше поколение не должно стыдиться своей недообразованности. Нас не образовывали в своей профессии» [Российская социология шестидесятых 1999, с. 61].

Вывод Кона более широкий, а суждения более радикальные. Все советские социологи были самоучками, все до единого, западной социологии они не знали, а те, кто знал больше, никаких эмпирических исследований не вели; кроме того, они были должны отличаться от нее (от западной социологии – Б.Ф.), доказывая, что они самые лучшие в мире (некоторые из общей массы еще отличались тем, что верили в это) [Кон 2008, с. 89]. Незадолго до выхода в свет своей книги И. Кон попал на форум Фонда «Общественное мнение», участники которого обсуждали книгу Б. Докторова. И кто-то спросил: отчего, мол, старое поколение социологов так много говорит об институционализации науки, а где ее результаты? Почему в серьезных западных работах нет обстоятельных ссылок на советских социологов и их труды? Ведь на советских семиотиков, к примеру, ссылаются, а на социологов – нет.

Полемическая реакция Кона была однозначной: «Ребята, побойтесь бога!». Социология возникла в середине 1960-х. И едва ли не сразу вступила в оборонительные бои с недоброжелателями. Но дело как-то двигалось. В 1972 году процесс развития остановился³. На пустом месте солидные школы, традиции,

³ Речь идет о «разгоне» ИКСИ АН СССР. В 2008 году Л. Гудков напишет об этом времени: «Тот удар по формирующейся социологии был настолько силен и значителен по своим последствиям, были приложены такие систематические усилия по уничтожению, искоренению из практики исследований и обучения всякого живого чувства и мысли, что она (социология – Б.Ф.) будет в таком состоянии, как минимум, еще одно поколение. С Михаилом Руткевичем пришли люди, которые начисто стерилизовали социологическую науку» [Гудков 2008].

Целиком присоединяясь к выводу Гудкова, подчеркну, что от подобных опасностей и угроз не была застрахована ни одна из советских наук. В частности, семиотика была в той же мере поднадзорной, как и социология. Произвол таинственным образом уравновешивался проявлениями случайности. Но под подозрением и наблюдением находились все ученые, и повсеместно. Профессор Б.Ф. Егоров в своих уникальных воспоминаниях о Тартуской

международная известность и признание возникнуть не могут. К тому же семиотики имели превосходное филологическое образование и четко вписывались по своему духу в западные (родственные) школы и течения. Да, Тартускую школу Лотмана травили, но только потому, что ее идеи казались непонятными; далекая от политики, эта школа отсекала непосвященных своим особым языком. Социология (по контрасту) занималась реальными проблемами, здесь надзор был существенно строже, практически любой начальник мог выступить в роли контролера-надзирателя. Социологи были обречены на то, чтобы демонстрировать лояльность, доказывать практическую эффективность и полезность своих действий и вообще постоянно находиться в строю и казармах для боевых помощников партии.

Семиотики знали иностранные языки, их переводили западные коллеги. Что до новой советской социологии, то ею на первых порах интересовались только советологи, к тому же основательно погруженные в идеологическую конфронтацию и соперничество двух социальных систем. Доклады, с которыми советские социологи выступали на Конгрессах МСА, были значительно хуже тех, что публиковались дома. Тайной было все! Об этом позаботился Главлит СССР и его многочисленные отделения на местах. Кроме того, и это было наиболее существенным, год от года крепчали идеологический контроль, власть канонической марксистской теории. Ярлыки навешивались без предупреждения. Одна невзначай брошенная фраза могла поставить под сомнение не только конкретный труд (статью, книгу), но и профессиональную карьеру, радикально изменить в худшую сторону жизнь обществоведа, исследователя общества.

Из интервью В.Ж. Келле Б.М. Фирсову.

«Мы считали себя людьми науки, а критики вели себя, как идеологи, и от нас ожидали того же. Поскольку то, что мы писали, полностью не укладывалось в принятые идеологические догмы, мы становились чужаками. Нас били, как чужаков в этой среде. Понимаете? Мы были чужие, не свои для них. Во время выступления Е.Г. Плимака на обсуждении книги⁴ Ф.В. Константинов спросил меня: “Вы знаете, что Ленин сказал о Троцком?” И сам ответил: “С нами, но не наши!”. Вот это и есть главное: «С нами, но не наши!»» [Интервью 2008, с. 310].

Под знаком этой фразы почтенного советского академика я представлю на суд читателя несколько сюжетов, посвященных «наведению мостов» между советской и западной социологией.

школе семиотики, возглавляемой Ю.М. Лотманом, пишет о том, как однажды в дом Лотманов нагрянули «добрые молодцы» с многочасовым обыском. Работали старательно, «перебрали по страничке каждую книгу из громадной библиотеки, ничего не нашли: большая связка крамольнейшего самиздата лежала на верху голландской печки, агенты копались, стоя на стремянке, на книжном стеллаже, в двух шагах от пакета, но не додумались подняться еще на полметра и заглянуть на печку!» [Егоров 2004, с. 263].

⁴ «Ленинизм и диалектика общественного развития», готовившаяся к 100-летию со дня рождения Ленина в 1970 г.

Сначала было печатное слово...

Путь самоучек в профессиональную социологию зависел от стихии счастливого случая. Про один из таких случаев я с удовольствием расскажу, поскольку он имел едва ли не судьбоносное значение для отечественной социологии. Доктор наук Игорь Кон имел право выписывать себе через книжный отдел Библиотеки Академии наук СССР несколько иностранных книг в год. Валюты давали мало, книги стоили очень дорого. Однако можно было по умолчанию использовать лимит других профессоров, которые заморских книг не читали, но уступали свою профессорскую привилегию ученым-полиглотам. Кон, обладавший особым чутьем на новое, в числе других книг заказал написанный американцами У. Гудом и П. Хаттом [*Goode, Hutt 1952*] учебник «Методы социального исследования», который показался ему наилучшим.

Важно отметить, что Кон был не единственным среди ученых-обществоведов, философов, которых научная судьба властно толкала в сторону социологии. С одной стороны, это было непосредственным, я бы добавил, естественным продолжением работы эрудированного ученого по истории социальной философии и философии истории, на базе которых, строго говоря, возникла в XIX в. социология как новая отрасль социального знания. С другой стороны, такие повороты были связаны с появлением в СССР эмпирических социальных исследований. «Это название появилось, – пишет Кон, – чтобы не дразнить гусей возрождением «буржуазной лженауки» и не посягать на теоретическую монополию истмата и так называемого научного коммунизма» [Кон 2008, с. 210]. Любопытно, что сам Кон находился в это время под влиянием статьи в журнале «Коммунист», написанной Г.А. Пруденским и посвященной эмпирическому изучению свободного времени. Нельзя не вспомнить еще об одном обстоятельстве. К названному периоду относится важное событие: декан философского факультета ЛГУ В.П. Рожин сумел «пробить» разрешение властей на открытие социологической лаборатории при факультете и уговорил В. Ядова возглавить ее. Став «завлабом», Ядов резко изменил свою «чисто философскую ориентацию».

Заморский учебник по методам социального исследования пришел на имя Кона как раз к открытию ядовской лаборатории. Ядовцы приступили к его немедленному освоению. А. Здравомыслов самолично перевел учебник на русский язык. «Каждую из глав (перевода – Б.Ф.) мы обсуждали на семинарах. Особенно много внимания уделяли вопросам выборки и проверке достоверности ответов респондентов... Все у нас было открыто для всех. А лаборатория, располагавшаяся в одной из комнат Меншиковского дворца, была центром паломничества. Откуда только ни приезжали к нам коллеги – из Москвы и Перми, Софии и Варшавы, Лодзи и Нью-Йорка, Парижа и Праги, Новосибирска и Тбилиси» [*Здравомыслов 2008, с. 357–358*]. Книга, написанная американцами, существенно облегчила старт ядовской лаборатории. «Мы начали штудировать Гуда и Хата буквально... постигали элементарные вещи, методы, технику. Провели первое исследование по бюджетам времени на Кировском заводе. Что такое выборка, мы уже понимали. Была гомогенная выборка только рабочих (100 человек), было

жесткое деление – 50 мужчин, 50 женщин и две группировки по возрасту: молодые и постарше. Появилась первая социологическая публикация в «Вестнике Ленинградского университета». А потом стали потихоньку приходить к проблеме «Человек и его работа» [Российская социология шестидесятых 1999, с. 49]. Первое издание своего пособия по методам социологического исследования Ядов испещрил ссылками на книгу американцев.

Случай (я вновь возвращаюсь к роли случая) помог сдвинуть с мертвой точки серьезное дело. Один ученый (Кон) ранее других осознал необходимость эмпирических исследований, выписал хорошую книгу и отдал ее тем, кому она была нужнее. Позже, когда завязались связи с американцами, заработал конвейер получения зарубежной научной литературы. Процесс самостоятельного освоения опыта западной социологии происходил повсеместно и везде с переменным успехом. Его качество (результативность) зависело от нормативных требований советской научной среды. Наиболее продвинутые научные коллективы Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Эстонии добивались того, что студенты, аспиранты и научные сотрудники «толком читали» зарубежную литературу, изживая губительную привычку ленивого ума – искать интересующие понятия по предметным указателям. Что касается И. Кона, то он до конца своей жизни хранил у себя отпечаток первой коллективной статьи ядовской лаборатории с дарственной надписью Ядова и Здравомыслова: «Игорю Семеновичу – покровителю эмпирической социологии ЛГУ».

Никакая наука не может развиваться, не зная собственной истории. К чести первого поколения социологов, они сумели обратить на это особое внимание. Лечение исторической памяти профессионального сообщества от амнезии началось с появления книги И. Кона «Позитивизм в социологии» [Кон 1964]. Словно бы угадав принципиальное значение этой работы для самообразования социологов, на нее незамедлительно откликнулась научная периодика. Недвусмысленная реакция журналов носила характер настоятельного совета социологам обстоятельно проштудировать эту монографию. Написанная в жанре исторического очерка, она в свободной и убеждающей манере описывала генезис развития социологического знания от ранних сочинений О. Конта, позитивиста-классика, к неопозитивистским концепциям науки, создатели которых называли себя представителями естественнонаучных течений в социологии. Автор умело нашел в ней место для биолого-эволюционной социологии Г. Спенсера конца XIX в., психологической социологии конца XIX – начала XX в., социологизма Э. Дюркгейма и антипозитивистских реакций, на волне которых возникло учение М. Вебера, утверждавшее, что предметом социологии может быть только осмысленное поведение людей. Построенная на глубоком изучении большого числа зарубежных и отечественных источников, книга *de facto* стала одним из первых учебников по курсу истории социологии. В 1967 году она была переведена на венгерский, а в 1979-м – на финский язык. За этим последовали два издания на немецком языке – в ГДР (1968) и Западном Берлине (1973).

Для полноты описания судьбы книги Кона важно сказать, что оба немецких издания были расширены. Туда вошли самостоятельные главы, посвященные Максиму Веберу, возникновению эмпирической социологии в США, философским спорам между неопозитивистами и сторонниками понимающей соци-

ологии, структурному функционализму и американской «критической социологии». Не премину заметить, что в этих расширениях нуждались в первую очередь советские социологи. Однако признать эти потребности государственные издательства и научные журналы не торопились, их более всего занимали мнимые опасности, вызванные влиянием «растленной» буржуазной науки. Чтобы сказать о буржуазной теории нейтральное слово (произнесение добрых, похвальных слов считалось едва ли не кощунством и осквернением святой марксистской веры), авторы, писавшие о западной социологии, были вынуждены заниматься поиском хотя бы минимальной совместимости западных теорий с единственно правильным и непобедимым учением. Поскольку обнаружение этой пресловутой совместимости было делом неосуществимым, то авторам приходилось облачаться в одежды критиков буржуазной науки и под видом критики излагать целостные куски положительного и полезного для социологической профессии знания.

В 1968 году И. Кон создал сначала сектор истории социологии (преобразованный затем в отдел) в составе ИКСИ АН СССР, а через два года, на Всемирном социологическом конгрессе в Варне (Болгария), – Исследовательский комитет по истории социологии Международной социологической ассоциации. В состав этого Комитета вошли крупнейшие социологи мира, начиная с Парсонса и Мертонса. И. Кон на протяжении 1970–1982 гг. был вначале его президентом, а затем – вице-президентом. Советские компетентные органы ни разу за это время не выпустили Кона за границу для непосредственного участия в работе и деловых личных встречах с коллегами. По этой причине его выборы в состав Комитета осуществлялись заочно. Тем не менее Кон продолжал руководить деятельностью Комитета, поддерживал интенсивную переписку с ведущими западными социологами и «имел репутацию единственного советского социолога, который всегда отвечает на письма (это была лишняя работа и некоторая степень риска)» [Кон 2008, с. 215].

Сюжет «невыездной Кон» имеет интересную документальную иллюстрацию. Сохранилась записка вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева «в инстанцию» (так тогда почтительно называли ЦК КПСС в своих разговорах бюрократы высокого уровня). Письмо, как водится секретное, в нем «инстанция» извещается об избрании в состав Исследовательских комитетов МСА группы советских ученых. АН СССР просит ЦК КПСС «принять» (согласиться, утвердить, одобрить) это избрание, поскольку оно соответствует высоким целям советской социологической науки: «Участие в комитетах МСА позволит получать новейшую информацию об исследованиях за рубежом, а также влиять на направление исследований комитета с позиций советской науки». Кроме того, АН СССР просит «разрешить вступить в рабочие органы МСА» группе из пяти ученых, в числе которых назван Кон Игорь Семенович, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая (Ленинградское отделение), г. Ленинград, избран вице-президентом Комитета № 8 «История социологии», с «выплатой ежегодного взноса в сумме 5 ам. долларов» [Осинов, Москвичев 2008, с. 305–306 – Документ 17.0. Записка вице-президента АН СССР П.Н. Федосеева и и.о. главного ученого секретаря Президиума АН СССР Г.К. Скрыбина «О вступлении советских ученых в рабочие органы Международной социологической ассоциации». 4 февраля 1976 г.]

Две недели спустя «инстанция» положительно ответила на просьбу вице-президента АН СССР. Избрание было благосклонно принято, а ученым – разрешено числить себя вступившими в соответствующие органы МСА. Формально всю эту машинерию объясняли ужесточением правил расходования валютных средств из государственного бюджета. «Царственный» жест – разрешение оплатить из бюджета АН СССР скорее символический взнос за членство в МСА – ничего не менял в правилах политического надзора за деятельностью ученых. Система продолжала делить своих граждан на «выездных» («наших») и «невыездных» («не наших»), на тех, кому она верит, и тех, кого она лишает своего доверия. «Не нашим» оставался Игорь Кон, заочно «приговоренный» компетентными органами к проживанию в пределах установленной для него «черты оседлости».

Отдел истории социологии, руководимый Коном, являл собой удачное, но не столь распространенное сочетание сложившихся ученых и научной молодежи. Работа опиралась на новые схемы и протескала весьма интенсивно. Подготовленная отделом «История буржуазной социологии конца XIX – начала XX веков» (1979) стала первым крупным отечественным историко-социологическим исследованием и учебным пособием по этому предмету. Тогда же ее перевели на чешский и китайский языки. Десять лет спустя книга, к тому времени обновленная и расширенная, была переведена на английский и испанский языки. Для полноты истории этого труда полезно напомнить, что в 1999 г. некоторые его разделы, включая и те, что были написаны Коном, без разрешения авторов и указания первоисточников появились в вузовском учебнике по истории социологии под редакцией Г.В. Осипова. «Видимо, они были не так уж плохи, если их можно было перепечатать через двадцать лет» [Кон 2008, с. 218].

Больше всего И. Кон гордился тем, что его аспиранты и молодые ученые, работавшие под его руководством в отделе ИКСИ (ИСИ) АН СССР, смогли развить в себе недюжинные исследовательские дарования и стать солидными учеными с мировыми именами. Не откажу себе в удовольствии назвать их: Игорь Голосенко, Римма Шпакова, Александр Гофман, Леонид Ионин, Дмитрий Шалин.

Как Роберт Мертон пришел на помощь советской социологии

Наряду с освоением методов современных социологических исследований и изучением истории социологии, уже в 1960-е гг. начался активный поиск «безопасных проходов в минных полях» буржуазных теоретических концепций, по которым вслед за «саперами» должна была двинуться социологическая «пехота». Один из таких отважных саперов, профессиональный философ, но социолог-самоучка В.Ж. Келле сравнительно недавно писал: «Я прекрасно понимал, что если теоретические исследования будут проводиться не на теоретической базе марксизма, то им развиваться не дадут, их задушат... Доступными мне средствами я пытался защитить и уберечь то новое, что появилось в нашей научной жизни. В данном случае – эмпирическую социологию, упоминание о которой незадолго до этого неизменно сопровождалось эпитетом «буржуазная». И надо сказать, что тактика

сработала: официоз принял эту точку зрения» [Беседа с В.Ж. Келле 2001, с. 87]. Путь к изучению «реальных проблем» был открыт.

В интервью, взятом специально у В.Ж. Келле для книги «Разномыслие в СССР» [Фирсов 2008], он, в частности, рассказал:

«Как вы знаете, в Институте философии в начале 60-х гг. был создан Сектор исследований новых форм труда и быта во главе с Г.В. Осиповым – первое социологическое подразделение в системе АН СССР, а может быть и в стране. В этот сектор перешли Ю.А. Левада и Б.А. Грушин, которые какое-то время работали в нашем отделе. Я начал непосредственно интересоваться социологией и читать социологическую литературу в середине 60-х гг. Я считал, что в наших условиях мост между теоретической социологией и историческим материализмом можно и нужно было перекинуть. Так оно и получилось. Следом за моими товарищами и меня подвинуло заняться также конкретной социологией. Ведь у меня было сильное желание выйти на изучение самой реальности нашего общества. Диалог с реальностью был необходим всем обществоведам. Такую возможность открывала социология <...>».

Слабость философских работ о нашем обществе состояла в том, что категории выдавались за реальность и тем самым последняя идеализировалась. А к самой реальности никак выйти не могли. Социология же давала этот выход к реальности. Это меня заставило заняться изучением не только теоретической социологии, но и чтением работ по конкретным социологическим исследованиям. Даже начал изучать польский язык. Польша была тогда центром развития социологии в Восточной Европе.

Потом началась подготовка к поездке в Эвиан, город во Франции, где должен был состояться очередной конгресс Международной социологической ассоциации. Руководителем нашей делегации на конгрессе назначили Константинова. Я у него был заместителем и в этой роли отвечал за выпуск на французском и на русском языках двух томов докладов на конгрессе. Эту работу я завершил, но в самый последний момент меня с заместительства сняли. Дело в том, что на одно освободившееся место я включил моего коллегу и друга М.Я. Ковальзона. На другой день меня вызывает П.Н. Федосеев и начинает пробирать: «Вы самоуправством занимаетесь!» Я отвечаю: «Место было свободное. Как можно терять целое место?» Короче говоря, делегация улетела, я остался в Москве. Но я пошел в ЦК. Там мне сказали: «Ну, ладно, постараемся тебя отправить». И меня дополнительно отправили в составе туристической группы. Я попал на конгресс на второй или третий день уже после открытия. Возвратившись с конгресса, я решил заняться социологическими исследованиями научной деятельности. Дирекция пошла мне навстречу. Мне дали деньги, выделили дополнительные ставки. Я взял несколько молодых ребят и организовал группу по социологии науки. Дело в том, что, если я не ошибаюсь, в 1968 или в 1969 г. был советско-польский симпозиум по науковедению с участием Б.М. Кедрова, Г.М. Доброва, С.Р. Микулинского. Симпозиум проходил во Львове и Ужгороде. Микулинский мне предложил: «Напиши тезисы доклада, и поедем туда вместе». Я подготовил тезисы доклада по социологии науки,

попытался определить предмет этой отрасли социологии, ведь у меня кое-что было начитано. После этого и была создана группа, о которой я уже сказал. Планов было много, один из них состоял в том, чтобы обследовать всю Академию наук, изучить удовлетворенность ученых своей работой, адекватность методов оценки работы, и т.п. Одна из самых больших проблем состояла в том, чтобы создать систему оценок научного труда. Наши сотрудники ездили на Кольский полуостров, на Урал, в Питер, обследовали академические институты в Москве. Вот так я вошел в социологию. Конечно, я также занимался теоретическими вопросами. Меня тогда избрали вице-президентом Советской социологической ассоциации.

На одном обсуждении проблем социологии в Академии общественных наук, где философское начальство в очередной раз осуждало социологов за отступление от марксизма, выступил Б. Грушин и, обратившись к президиуму, произнес памятные слова: «Время покажет, кто прав, вы же не стоите, вы лежите на позициях марксизма, причем поперек дороги». Дело в том, что Ф.В. Константинов и другие, кого имел в виду Борис Андреевич, понимали под социологией только исторический материализм. Для них результаты конкретных исследований – материал для иллюстрации и подтверждения положений исторического материализма. Потому надо было спасать конкретную социологию. Было ясно, что в наших условиях только включение марксизма в качестве теоретической базы всей социологии делает легитимными социологические исследования. Если этого не сделать, то социологию загубят. Я воспользовался идеей иерархического трехуровневого построения социологии как науки, чтобы предложить выход из создавшегося положения. Исторический материализм не открывал прямой путь к непосредственному изучению различных сфер жизнедеятельности общества, таких как труд, семья, досуг и др. Требовались «теории среднего уровня», как их называл Р. Мертон, позволяющие представить функционирование и развитие каждой из этих конкретных сфер. Таким образом, выстраивалась теоретическая схема, согласно которой в структуре марксистской социологии выделялись три уровня: общесоциологическая теория, в роли которой выступал исторический материализм, теории среднего уровня и, наконец, собственно эмпирические исследования.

Сама идея не была моей, ее уже высказали как компромиссную. В статье Г.М. Андреевой и Е.П. Никитина «Метод объяснения в социологии», опубликованной в первом томе двухтомника «Социология в СССР» (1965), высказана мысль об иерархической структуре социологической теории и рассматривается идея Р. Мертона о «теориях среднего ранга». Но идею, как говорят теперь, следовало раскрутить. Я ее раскрутил – написал ставшую знаменитой статью в журнале «Коммунист», поскольку к ней присоединились Н.В. Пилипенко и Г.Е. Глезерман, как бы для придания статье официального характера. Пилипенко был куратором социологии в ЦК КПСС, а Глезерман выступал от имени официальных философов. Пилипенко ничего к моему тексту не добавил, а Глезерман что-то вписал. После добавления двух названных подписей статья стала программной. Статья развязала руки социологам, укрепила их позиции. Действительно, с одной стороны, она как бы успокоила всех стражей в том, что наша социология развивается на марксистской основе. Исторический материализм выступает в роли социологической теории. С другой стороны, был открыт простор для развития

теорий среднего уровня и эмпирических исследований. Я не знаю, как и насколько теоретически справедлива такая схема, но придти к ней было политически и практически необходимо.

В результате официоз принял эту точку зрения. Они, я думаю, поняли, что социология получила широкий размах. Против нее стало трудно выступать, не было причин возражать против того, чтобы она и далее развивалась. Промышленность оказалась в фокусе социологического внимания, начались исследования общественного мнения. Потом они поняли, что эмпирические исследования полезны, они нужны. Ведь каждая наука что-то исследует. Если экономисты изучают конкретику, то почему социологи не могут делать то же самое в своей предметной области. Не поэтому ли академик Федосеев в последние годы едва ли не всю американскую социологию, не говоря уже о советской, начал признавать.

Да, на той стадии развития социологии статья и ее идеи сыграли определенную позитивную роль, но сейчас она уже недостаточна. Мало заявить, что исторический материализм больше не является общесоциологической теорией. Такого рода действия я считаю односторонними. Не менее важно показать связь искомой общесоциологической теории с историческим развитием общества. Да и вообще, вопрос о том, что же является общесоциологической теорией, остался во многом открытым. Над этими проблемами сейчас мало кто думает. У нас отбросили исторический материализм, но полноценной замены пока нет [Келле 2008, с. 311–313].

Для полноты рассказа от себя добавлю следующее. Социологи сумели найти выход из познавательного тупика, когда абстрактная теория не могла быть руководством для изучения различных сторон общественной жизни, но саму теорию, по тогдашним канонам, нельзя было игнорировать. Концепция трехуровневой структуры социологического знания: общесоциологическая теория (исторический материализм) – частные социологические теории (теории среднего уровня, по Р. Мертону) – эмпирический базис (собственно эмпирические исследования) была хотя и вынужденным, но своевременным компромиссом [Социология в России 1998, с. 11]. Будучи включенной в преамбулу Устава ССА, эта концепция легитимизировала эмпирические исследования в рамках нескольких десятков частных социологических теорий, опосредующих осмысление данных на общетеоретическом уровне.

К тому же, как свидетельствует В. Ядов, марксизм «отраслевых» (среднеуровневых) социологий примечательным образом «совмещался» с еще одним мощным познавательным средством – структурным функционализмом Т. Парсонса, который, как известно, утверждал идеи стабилизации общественной жизни и общества, исходил из рациональности функций его институтов. Пафос гомеостаза был близким по духу идеям управляемости, планируемости, иллюзиями которых питалось сознание боязливых руководителей страны. Сквозь призму этих иллюзий социальная ситуация в стране рисовалась им подвластной, контролируемой сверху. В таких случаях власть не только не вмешивалась в исследовательский процесс, но и в отдельных случаях поощряла его. Существенно, что терминологический язык парсоновского функционализма «мягко» переводился с английского языка на русский: социальные страты именовались социальными слоями, а воспитание советского человека постепенно, шаг за шагом, превращалось в фактор социализации личности.

Еще один серьезный прорыв к познанию социальной реальности произошел на базе широкого применения аппарата и языка системного анализа. В итоге, невзирая на спазмы и конвульсии политико-идеологического контроля, дело двигалось вперед, постепенно раскрепощая социологию от оков «единственно правильного и всеобъемлющего учения». Это фронтальное раскрепощение социологической мысли не смогли остановить никакие преследования «неуправляемых» интеллигентов-социологов.

Три этапа освоения парсоnianства⁵

Мое знакомство с Талкоттом Парсонсом, писал А. Здравомыслов, началось со штудирования его работ, с изучения способов его мышления. С работами Парсонса я стал знакомиться с 1958 г. Я тогда был аспирантом философского факультета Ленинградского университета. Летом этого года университет посетила небольшая группа американских аспирантов и преподавателей. Во время встречи с ними я спросил о наиболее известных американских социологах. Они назвали Дэвида Рисмэна – о котором я уже был слышан – и Талкотта Парсонса (это было новое для меня имя), отметив при этом, что Парсонса очень трудно понимать.

Это последнее обстоятельство привлекло мое внимание. Я решил преодолеть эти трудности. Прежде всего, я посмотрел, какие работы Парсонса имеются в двух ленинградских библиотеках, которыми я пользовался, и натолкнулся на целый ряд книг, в том числе и на «Структуру социального действия» (1937). С тех пор я старался освоить этот пласт довольно сложных теоретических построений.

Важным стимулом для дальнейшего освоения парсоnianства стало несколько позже состоявшееся личное знакомство с ним. Однажды, это было, по-видимому, в 1964 г., раздался телефонный звонок в нашей коммунальной квартире на Зверинской улице. Я поднимаю трубку и слышу хрипловатый голос, который спрашивает меня на американском английском и представляется: «Это говорит профессор Парсонс». Я очень удивился. Он спросил: «Хотите ли вы со мной увидеться?» Я говорю: «Я был бы крайне счастлив». Он сразу же пригласил меня в гостиницу, в которой они остановились со своей супругой (он всегда ездил со своей супругой Элен Парсонс). Они удивительно подходили друг другу по своей внешности, комплекции, взаимопониманию. Потом он пригласил меня на прием, который давало американское консульство в честь его пребывания в Ленинграде, где я имел возможность убедиться в том, с каким почтением относятся чиновники различного ранга к профессору Гарвардского университета.

Т. Парсонс производил впечатление человека, не очень сильно заботящегося о своем престиже, он был весьма простоват в манере поведения. И в этом отно-

⁵ Авторство этой части очерка целиком принадлежит А.Г. Здравомыслову [Здравомыслов 1999, с. 255–264], который в мае 2009 г. разрешил мне публикацию отрывка из своего труда, посвященного памяти Т. Парсонса, и согласился на ряд небольших сокращений оригинального текста, носящих чисто редакторский характер. Внезапная кончина А.Г. Здравомыслова в июне 2009 г. помешала ему просмотреть предлагаемый вариант этого текста.

шении Парсонс не был похож на многих других американских профессоров, которые всегда своей внешностью подчеркивают свой статус, положение и т.д. Он не строил беседу на почве каких-то очень абстрактных вещей. Мы говорили скорее о каких-то повседневных делах, с которыми он сталкивался, которые он видел. Иногда мы выходили на какие-то теоретические проблемы и обсуждали их.

Он всегда привозил с собой свои последние книги и целый пакет публикаций и щедро одаривал меня своими книжками с автографами. У меня дома есть несколько таких книг. Иногда он предлагал что-то на выбор. Скажем, сборник статей или монографию. Я, конечно, предпочитал монографию.

Мне кажется, что у него не было иных интересов, кроме теоретической и преподавательской работы. Естественно, в сфере его интересов было понимание мира, понимание Советского Союза, было желание больше понять, что происходит в этом мире.

Этапы освоения парсонизма

Первая работа Парсонса, которую я постарался освоить, была «Структура социального действия», впервые опубликованная в 1937 г. Что для меня – выпускника философского факультета образца 1953 г. – оказалось наиболее сложным в этой книге? Во-первых, как я уяснил себе, эта книга представляла определенную версию истории социологии как науки. Версия эта основывалась на интерпретации понятия «социальное действие», введенного в оборот М. Вебером. Главная трудность состояла в том, что в марксистском словаре того времени такого понятия не существовало, как не существовало и социологии как самостоятельной дисциплины. Были понятия практики, революции, реформы, которые могли быть соотношены с социальным действием, но в несколько иной интерпретации в отличие от веберовской традиции. У М. Вебера социальность действия была связана со смысловой *нагрузкой* действия, исходящей от субъекта этого действия. В марксистском лексиконе – с *массовидностью* процесса, с участием в событиях значительного числа людей, действующих спонтанно на основе своих интересов.

Иначе говоря, изучая Т. Парсонса, я попадал в мир иных понятий, нежели те, которые были включены в систему образования. Осознав это, можно было двигаться двумя путями: закрыть для себя всю эту литературу, сказав, что она не имеет отношения к «истинной науке», или же продолжить разбирать и дальше не вполне понятные теоретические построения, основываясь на предпосылке: авторитет ученого не может строиться на пустом месте, что-то в его рассуждениях есть – весьма важное для его общества, – раз он в этом обществе получил признание. Для себя я избрал второй путь.

В дальнейшем при работе над этой книгой мое внимание привлекла мысль, высказанная в Предисловии 1968 г.: «Для истории этой книги важно, что в ней рассматривались наиболее широкие вопросы природы современного индустриального общества – в особенности природы капитализма. Более того, это осуществлялось в то время, когда Русская Революция, Великая Депрессия, фашистские движения

и приближение Второй мировой войны стали событиями, поднимавшими многие фундаментальные вопросы. В теоретическом плане книга концентрировалась на проблемах пределов и ограничений экономической теории. Это выполнялось с позиций, отличавшихся от двух общепринятых точек зрения по этому вопросу, как от теории «экономического индивидуализма», так и от теории социализма, даже в вариантах британских демократических социалистов, не говоря уже о марксистах» [Parsons 1968, VI].

В этом положении была высказана мысль о «связи с практикой», которую можно было отыскать ценой огромных усилий.

Освоение довольно сложных теоретических конструкций Т. Парсонса у меня проходило в несколько этапов. *Первый этап* – это работа над кандидатской диссертацией (1959) и первой моей книгой «Проблема интереса социологической теории», которая была написана на основе кандидатской диссертации (1964). Как видно из названия, мне хотелось разобраться в том, как побудительные силы человеческого поведения превращаются в причины социальных изменений и почему любые политические структуры прежде всего заявляют о том, что они защищают интересы народа, общества, прогресса, социальных групп, наций и классов. Я не уверен, что мне удалось решить эту задачу. Но кое в чем мне удалось продвинуться, обращаясь к истории социальной мысли и к современной социологической литературе. Из современных авторов мое внимание привлекли Р. Мак-Ивер, который был автором статьи «Интересы» в американской «Энциклопедии социальных наук», и Т. Парсонс. Раздел о взглядах последнего на интересы содержался уже в кандидатской диссертации. Для книги я подготовил специальный параграф, который называется «Теория социального действия и ориентация». Она основана на штудировании ряда работ Парсонса, а именно «К общей теории социального действия», «Структура социального действия», «Социальная система», «Очерки по социологической теории», а также ввездных статей Парсонса как обстоятельному двухтомнику «Теории общества». Это были те источники, на которые я опирался в то время. <...>

При подготовке книги о проблеме интереса в социологической теории мое внимание привлекла статья Парсонса «Мотивация экономической деятельности». Основной пафос этой статьи заключается в критике утилитаристского подхода, используемого для объяснения человеческого поведения. Утилитаризм (теория мотивации через «пользу», то есть через грубо понятый интерес) недооценивает, с одной стороны, значение инстинктов и традиций, а с другой стороны, морального и эмоционального компонентов в мотивации действия. Парсонс же исходит из идеи многообразия мотивов поведения людей и заявляет, что «экономическая мотивация не является вообще категорией мотивации при более глубоком уровне рассмотрения проблемы, скорее это некоторый пункт, в котором могут перекрещиваться весьма разнообразные мотивы при ситуациях определенного типа. Их заметная устойчивость и всеобщность не являются результатом единообразия «человеческой природы», проявляющейся в эгоизме или гедонизме. Это результат определенных черт структуры социальных систем действия, которые, однако, не являются константами. Они подвержены институциональным изменениям» [Parsons 1964].

Такая постановка вопроса заставляла задуматься над проблемой экономических или материальных интересов, а более конкретно – над структурой стимулов

трудовой деятельности. Как раз это было главной проблемой исследования отношения к труду, которое было организовано лабораторией социологических исследований Ленинградского университета (1960–1968 годы).

При изложении позиций Парсонса я уделил большое внимание понятиям социальной роли, институтов, нормативных ожиданий. Затрагивалось и содержание теории социальных изменений, равно как и проблема «движущих сил», «теории преобладающего фактора» и т. д. В целом моя работа строилась на основе марксистской методологии. И по всем существенным вопросам я сопоставлял, точнее сказать, противопоставлял позиции Парсонса и позиции марксистской социологии, насколько я их понимал сам в это время. Там, где противопоставление было затруднено в связи с неразработанностью проблематики в марксистской литературе, я пытался изобрести что-то свое. <...>

В том разделе книги, который был посвящен полемике с Парсонсом, я считал своей обязанностью не столько «опровергнуть» Парсонса, сколько воспроизвести достаточно подробно его теоретическую концепцию и систему аргументации. По сути дела, в названном выше параграфе рассматривались основные категории, с помощью которых создавалось определенное взаимопонимание человека и общества. Это было очень важно, так как ориентировало на осмысление сложности социальных проблем.

После того как книга была опубликована, она оказалась в руках Парсонса. В апреле 1965 г. Парсонс написал мне первое письмо, в котором он высказал свое мнение о моей работе. Оригинал письма у меня сохранился, и я приведу этот текст. Письмо на бланке Гарвардского университета, Департамента социальных отношений. Датируется 13 апреля 1965 г., напечатано на машинке самим Парсонсом. Текст следующий:

Дорогой доктор Здравомыслов!

Я давно хотел поблагодарить Вас за то, что Вы прислали мне книжку «Проблемы интереса в социологической теории». Однако прежде чем Вам ответить, я дождался того момента, когда раздел, касающийся моей работы, будет переведен. Кроме того, я также обсуждал текст какое-то время с профессором Джорджем Фишером.

Я полагаю, что Вы понимаете, что в трактовке этих проблем между нами большие различия (a good many differences). Однако я полагаю, что Ваша позиция, насколько я могу судить по переводу, интересна и полезна. Я думаю, что наиболее важное различие состоит в том, что я не стремлюсь принять дихотомию между объективными структурными условиями общества и теми аспектами, к которым можно подойти через ориентации индивидуальных членов общества. Я с уверенностью признаю важность того и другого и вижу в качестве центральной задачи теоретика-социолога установление отношений между этими двумя сторонами. Вместе с тем у меня сложилось впечатление, что Ваше исследование является наиболее конструктивным вкладом с точки зрения продвижения разумного обсуждения названных проблем в тех советских источниках, которые мне известны. Я лишь хочу, чтобы была возможность продолжать дискуссию при личной встрече, и, может быть, такая возможность вскоре представится (Из [моего] личного архива).

Парсонс имел в виду возможность приезда группы ученых, представляющих Советскую социологическую ассоциацию, в США, поскольку в тот период, еще сохранявший следы хрущёвской оттепели, он возглавлял Комитет Американской социологической ассоциации по контактам с ССА. В этом качестве он сделал очень много для углубления контактов, но предложенный им визит не состоялся.

Второй этап освоения парсонизма был связан с подготовкой и редактированием книги о структурно-функциональном анализе [Структурно-функциональный анализ 1968]. Эта работа делалась в ИКСИ АН, где я работал в качестве старшего научного сотрудника в секторе методологии, которым руководил Ю.А. Левада. Я редактировал весь перевод с английского на русский, переписывал этот перевод, делал его более адекватным и профессиональным. Бюллетень этот сейчас представляет библиографическую редкость. В него вошли 6 статей, в том числе три статьи Парсонса: «Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии» (1945), «Система координат действия и общая теория систем действия» из книги «Социальная система» (1956) и «Новые тенденции в структурно-функциональной теории» (1964). Кроме того, в сборник вошла известная статья Р. Мертон «Явные и латентные функции» (в переводе Ю.А. Ассва). Эти четыре работы составили первую книжку сборника.

Во вторую книжку вошли как представители структурно-функционального направления – Ч. и З. Лумисы, К. Дэвис и У. Мур, А. Гоулднер, Дж. Хоманс, так и критики этого направления – Я. Уайтекер, П. ван ден Берге, А. Франк, Д. Мартиндейл, Дж. Рекс, Э. Нагель, Ч.Р. Миллс. К этому изданию мною было написано небольшое Предисловие, имеющее в виду подготовить идеологически ангажированного читателя к восприятию текстов, включенных в сборник.

Благодаря этому изданию социологическая общественность в нашей стране получила возможность ознакомиться с состоянием теоретической социологии в США, и прежде всего со взглядами Т. Парсонса и Р. Мертона. Нужно сказать, что это была одна из немногих публикаций, в которой мысли авторов представлены не через призму критического восприятия, а аутентично, насколько это позволяло знание языка. Просматривая сборник сейчас, я лишь удивляюсь той огромной работе, которая была проделана в секторе Ю.А. Левады, и еще раз высказываю убеждение в том, что переиздание этого сборника лучших теоретических работ конца 60-х годов было бы весьма полезно для развития социологии в России. <...>

Третий этап освоения парсонизма связан в моей научной биографии с работой над докторской диссертацией (1969). В этой работе, оставшейся неопубликованной, я стремился обобщить собственный исследовательский опыт (см.: [Здравомыслов 1969]).

Раздел о Парсонсе был расширен за счет включения в диссертацию книги «Экономика и общество», написанной Т. Парсонсом совместно с Н. Смелсером. Главная проблема, которая здесь решалась, состояла в том, чтобы выявить переход от теории действия к системному видению общества. И сейчас эта проблема остается камнем преткновения для многих исследователей Парсонса. Как мне представлялось в те времена, переход этот был осуществлен благодаря разработке теории стандартных переменных (pattern-variables), которая, с одной стороны, сохраняет идею смыслообразования, присущую теории действия, а с другой сторо-

ны, предлагает определенное упорядочение смыслов, становящееся основанием конструкции социальной системы.

Можно сказать, что для меня этот этап закончился не только защитой докторской диссертации, но и еще одной встречей с Парсонсом и знакомством с его учеником Н. Смелсером в 1970 г. на Варнинском Всемирном социологическом конгрессе (Болгария). На этот конгресс (на секцию, которой руководил Парсонс – Б.Ф.) я представил доклад «Взаимодействие между экономикой и социологией в свете двух противоположных традиций социологического мышления». На этом же конгрессе я познакомился и со шведским социологом Ульфом Химмельстрандом, представлявшим неомарксистскую версию социологии. Он вскоре стал Президентом МСА (1978–1982).

70-е годы в социологии были отмечены снижением интереса к парсонизму. <..> Однако для меня лично Т. Парсонс продолжал оставаться значимой фигурой. Более того, возникла потребность объяснить, почему – несмотря на сложность языка и известный схематизм и вопреки критике преимущественно с более радикальных («левых») позиций – Т. Парсонс остался среди классиков социологии.

«Профессор Сорокин? Откуда он там взялся?»

Прозрение советских социологов в отношении подлинной истории и современного состояния социологической науки было явлением массовым и перманентным. В подтверждение этого сошлюсь на *воспоминания В. Шубкина*, относящиеся к середине 1960-х гг. и связанные с посещением одного научного центра в Париже, где его познакомили с историей социологических исследований во Франции.

Мы двигались по залу, увешанному портретами выдающихся ученых.

– Мы надеемся, что вам это было интересно, поскольку в России нет социологических традиций, – завершил свой обзор французский коллега.

Его разъяснения были полезны и любопытны для меня. Но в них, особенно после завершения обзора, прорывалась какая-то раздраженная снисходительность.

– Простите, я не расслышал фамилию этого господина, – указал я на портрет, открывавший выставку.

– Это основатель нашего центра профессор Гурвич.

– А не скажете ли Вы, откуда он?

– Он приехал из России и создал этот социологический центр.

– Кстати, – продолжил я, когда мы, покинув музей, шли к исследовательским лабораториям, – кто сейчас президент Американской социологической ассоциации?

– Профессор Питирим Сорокин.

– Откуда он там взялся?

– Как откуда – из России, – сказал мой коллега. Потом он остановился и смущенно улыбнулся. – Да, к сожалению, мы плохо знаем историю русской социологии [Шубкин 1996, с. 136–137].

Комментируя это событие, Шубкин не щадил себя и писал с полной откровенностью. «Ползучий эмпирик», много лет отдавший конкретным социоло-

гическим исследованиям, он, по существу, ничего не знал о работах Сорокина. В этом отношении, признавался Шубкин, по уровню знаний он едва ли отличался от уровня окружавших его обществоведов. Исключение из правила составляли небольшое число специалистов, занимавшихся в те годы критикой буржуазной социологии. Они-то не могли не слышать о Сорокине уже лишь потому, что в своей статье «Ценные признания Питирима Сорокина» его сурово критиковал сам Ленин. Только в 1966 г., когда на VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане, во Франции, в качестве главного был объявлен доклад Питирима Сорокина, Шубкину стало ясно, что наш соотечественник является одним из лидеров мировой социологии.

Относительно нетрудно назвать причины «провалов» в индивидуальных и коллективных представлениях в картинах мира социологического сообщества. Мало сказать, что Сорокин и Гурвич носили на себе клеймо буржуазных исследователей, они были представителями русской эмиграции и в этом качестве, по мнению официоза, имели статус лиц «особо опасных» в идеологическом и политическом отношении. Многолетними усилиями партийных чиновников и цензуры их имена, а следом и труды, были принудительно изъяты на многие годы из национальной культурной памяти. В. Шубкин – одна из многочисленных жертв этого произвола коммунистической власти.

Адресуя читателя к теперь уже богатой литературе о П.А. Сорокине и к большинству его социологических работ, изданных в условиях новой России на русском языке, выскажу одно общее суждение. Отгородившись по воле своих вождей от остальной части планеты «железным занавесом», советская страна жила в состоянии изоляции, и потому едва ли не все произносимое «извне» по поводу нашего неодолимого движения к коммунизму *«изнутри»* чаще всего расценивалось не иначе как очередное (дежурное) проявление антисоветизма. Не могу сказать, что эти оценки, как правило, предлагавшиеся «сверху», наталкивались на серьезное сопротивление «снизу». Хотя, к чести мирового сообщества, *органической частью которого стала русская эмиграция* (подчеркну это особо, хотя и по прошествии многих лет), оно не один десяток лет прозорливо поднимало вопросы огромной важности, затрагивавшие коренные особенности развития советской социальной системы и требовавшие рефлексии на всех ее уровнях. Если очистить проблему от набивших оскомину идеологических споров, то придется признать, что зарубежная социальная (социологическая, политическая, историческая) мысль обладала одним решающим преимуществом в дискуссии с марксизмом, возведенным в ранг государственной общественной теории. Она была свободной!

Кстати, в этом качестве она во многом сформировала если не теорию, то понятийный язык описания и анализа советской системы, неуклонно двигавшейся к своему историческому финалу. Критика и преодоление *культы личности* не равноценны искоренению *сталинизма* и уничтожению почвы, на которой он произрастает. Сознаемся в том, что о сталинизме первым заговорил Запад, призывая нас называть вещи своими именами. Одна из самых важных по своему значению и трагических по своему содержанию книг «Архипелаг ГУЛАГ» была написана в начале 1970-х гг. Однако главная солженицынская тема начала звучать за рубежом уже в довоенные годы в мемуарах, воспоминаниях людей,

которым чудом удалось бежать из лагерного плена, а также в работах деятелей русской эмиграции, представлявших в прошлом оппозиционные по отношению к большевикам партии.

Оттуда же в 1960-е пришло слово «диссидент», как обозначение движения против тоталитарного режима в социалистических странах. Это слово впервые вошло в очередное издание отечественного «Краткого политического словаря» в 1978 г. Империалистическая пропаганда, говорилось там, обозначает этим термином «отдельных «отщепенцев», которые стаповятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу, к империалистическим подрывным (разведывательным и пропагандистским) центрам». Чтобы убедить читателей в своей правоте, автор упомянутого словаря решил прибегнуть к авторитету Л. Брежнева, который, в свою очередь, решил сослаться на высший авторитет: «Наш народ требует, чтобы с такими, с позволения сказать, деятелями обращались как с противниками социализма, пособниками, а то и агентами империализма. Естественно, что мы принимаем и будем принимать в отношении их меры, предусмотренные законом». В своем ключе высказался и Ю. Андропов, один из создателей «карательной психиатрии» – принудительного лечения разно- и инакомыслия. Для него диссидентами были люди, побуждаемые политическими идейными заблуждениями, религиозным фанатизмом, национальными вывихами, личными обидами и неудачами... наконец, в ряде случаев, психической неустойчивостью [Геллер, Некрич 1995, кн. 2, с. 243–244].

Выражение «железный занавес» тоже нессоветского происхождения. В своей фултонской речи У. Черчилль, констатируя в 1946 г. начало «холодной войны» и объявляя о «железном занавесе», стал невольным плагиатором и опоздал ровно на 20 лет. Василий Розанов написал вовремя: «С лязгом, скрипом, визгом опускается пад Русскою Историею «железный занавес»» (см.: [Вайль 2007, с. 108–109]). советская социология

Вот почему в назидание, прежде всего, себе, моим коллегам по социологическому сообществу, а следом и читателям книги я завершу текущий сюжет коротким рассказом с документальными ссылками, которые помогут ощутить атмосферу советской системы. Рассказ называется «Обыкновенная советская история, или почему Питирим Сорокин не смог увидеть Россию на склоне своих лет»⁶.

Начало истории

Вспоминает В.С. Семепов:

«...когда в 1962 году в Вашингтоне проходил V Всемирный социологический конгресс, мне довелось впервые встретиться с Питиримом Сорокиным. Он проявил живой интерес к советским ученым, беседовали мы обычно на русском языке.

⁶ История опубликована во Франции (см.: [Firsov 2000, p. 211-219]).

Меня он поразил тем, что, оказывается, был знаком с моими публикациями в журнале «Вопросы философии». Начиная с 1955 года я практически ежегодно публиковал там статьи с анализом и критикой наиболее распространенных тенденций развития социологического знания в Америке (в то время я готовил кандидатскую диссертацию на эту тему). Питириим Сорокин был согласен с моей критической оценкой превалирования эмпирической тенденции в развитии американской социологии. В его докладе «Разнообразие и единство в социологии», на следующем конгрессе в Эвиане, говорилось о мизерных результатах эмпирической социологии из-за отсутствия компетентной теории. Ведь Питириим Сорокин был талантливым теоретиком в области социокультуры, прекрасным аналитиком, и его раздражала господствующая тенденция сбора нужных и ненужных фактов без их дальнейшего обобщения и осмысления.

Так вот, на конгрессе в Вашингтоне американская делегация устроила прием в честь советской делегации в уютном «Космос клуб». Открывая его, Питириим Сорокин сказал, что хочет обратиться к советским ученым на русском языке, а чтобы его слова поняли американские социологи, он просил Вадима Семенова переводить их на английский. Что я и сделал. Это была теплая речь, с выражением удовлетворенности совместной работой и пожеланиями развивать наши творческие и человеческие контакты. Он сказал о своем желании посетить СССР. К сожалению, это ему не удалось... » [Российская социология шестидесятых 1999, с. 428–429].

Продолжение истории

После этой встречи связи П. Сорокина с советскими обществоведами, социологами в первую очередь, становятся весьма оживленными. В стране имеет место ренессанс научной социологии, уничтожение которой можно с большим основанием датировать 1922 годом, когда за границу были высланы выдающиеся российские ученые, в том числе П. Сорокин, Н. Бердяев, С. Франк, П. Струве и другие [Социология в России 1998, с. 23]. Известно, что в 1950–1960-е гг. П. Сорокин активно выступал против милитаризации нашей планеты, настаивал на сближении США и СССР, мучительно обдумывал проблемы судеб мира и мировой культуры. Особенно важно, что он внимательно следил за состоянием социологии в СССР, искренно радовался ее возрождению в послесталинский период и даже намеревался написать об этом книгу [Голосенко 1992, с. 7–8].

Неожиданный поворот и развязка

Казалось бы, «лед тронулся». Но не будем спешить с выводами. Весной 1967 г. при контроле литературы, поступавшей в Советский Союз из-за рубежа, Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР

задержало книгу проживавшего в США социолога-эмигранта П. Сорокина «Пути проявления любви и сила ее воздействия», которая была выпущена на английском языке американским издательством. Книга, как установили бдительные цензоры, послалась автором с дарственной надписью профессору И. Кону. Книгу конфисковали, и адресат ее не получил [Социология и власть 1997, с. 97–98]. Заключение цензуры («книга является свидетельством антисоветской настроенности автора, помещенные в ней материалы носят враждебный характер») можно было бы расценить как вынесение политического приговора ее автору, живи он в СССР (см.: [Социология и власть 1997, с. 97–98] – **Документ 18.0**. Записка главного управления по охране государственных тайн о задержании книги П. Сорокина «Пути проявления любви и сила ее воздействия». 15мая 1967г.).

В справедливости такого вывода убеждает еще одно документированное событие. Незадолго до событий, связанных с задержанием книги, П. Сорокин выразил желание «до своей кончины посетить свою родину» и направил по этому поводу письмо в АН СССР. Партийные власти, куда за соответствующим разрешением обратился академик П. Юдин, Председатель Научного совета АН СССР по истории мировой культуры, не только не сочли нужным приглашать в страну всемирно признанного к тому времени классика социологической мысли, но и не дали никаких разъяснений по данному поводу [Социология и власть 1997, с. 91–93 – **Документ 16.0**. Записка научного совета АН СССР по истории мировой культуры о приглашении в СССР президента Американского социологического общества П.А. Сорокина. 3 февраля 1967 г, с приложениями 1 и 2].

Только теперь становится понятным, что «таинственные» причины отказа П. Сорокину в разрешении побывать в СССР и «сослужить службу русским ученым» [Социология и власть 1997, с. 13] были связаны с конфискацией его книги сверхбдительной советской цензурой. Неудивительно, что возродившиеся было контакты и заметно растущий интерес советских социологов к научному наследию мэтра не привели тогда, в 1960-е гг., к официальному возвращению советскому читателю классических социологических трудов П.А. Сорокина, написанных им до насильственной депортации с его исторической родины и после нее, уже в бытность профессором Гарвардского университета США.

Лишь в 1974 г. в СССР впервые издали сборник зарубежных переводов и статей по проблемам социальной мобильности [Социология в России 1998, с. 113]. Автором одной из переведенных с английского языка работ был наш знаменитый соотечественник. Но даже и этот безобидный труд «небезызвестного буржуазного теоретика», как тогда именовали в советских публикациях ученого с мировым именем, оказался малодоступным. Упомянутый сборник вышел в свет с грифом «Для служебного пользования». До перестройки его могли читать только в библиотеках научных учреждений, а в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ныне – Российская государственная библиотека) – лишь по специальному письму-ходатайству, подтверждавшему, что интересующийся сборником читатель библиотеки работал над проблемами социальной структуры.

Польская социология: Восток – на Западе и Запад – на Востоке?

Мосты, соединяющие отечественных социологов с зарубежными коллегами, возводились в разные стороны света – не только на запад, но и на восток Европы, где располагались дружественные СССР государства. Один из них соединил советских социологов с поляками. К началу 1960-х гг. польская социология успешно прошла путь своего становления и организации. Она была более продвинутой с многих точек зрения. Тому есть несколько причин.

Основная причина состоит в том, что в истории Польши так называемый советский период был короче, чем в истории нашей страны. Кроме того, запретов на социологию польское общество не знало. Это очень существенно. Поэтому сразу после победы над фашизмом поляки продолжили развитие своей национальной социологии, возникшей в 1920–1930-е гг. Этот процесс трудно назвать возрождением. Был перерыв, вызванный Второй мировой войной, годами политической неразберихи в Польше. Но поскольку были сохранены все связи, сложившиеся внутри социологического сообщества, а они сложились еще до начала войны, то имела место быстрая регенерация этих связей, несмотря на гибель многих исследователей вследствие войны и нацистского террора. Часть оставшихся в живых польских социологов второй половины XX в. – люди с довоенным профессиональным опытом.

Среди советских социологов таких людей не было. Ибо после того как в 1930 г. эту «буржуазную науку» запретил Сталин, она прекратила свое существование на целую четверть века. Она претерпела, как говорят математики, длительный разрыв непрерывности. У поляков период приостановки развития социологии был более коротким – 1939–1945 гг. плюс еще несколько трудных для всей страны лет. После того как поляки восстановили свою горячо любимую Варшаву и другие города страны (например, Краков, где еще в 1364 г. был основан Ягеллонский университет), они с энтузиазмом занялись мирными делами, прерванными войной. Это собиранье культурных и научных сил стоило им относительно недорого в сравнении с нами.

Преодолеть последствия упомянутого «разрыва непрерывности» и стать полноценной, полифункциональной, высокопрофессиональной научной дисциплиной означало для советской социологии прохождение через три стадии (о них шла речь во втором очерке). Первая стадия (напомню, что ее называют теоретико-методологической) – это особый период выделения новой науки из среды других родственных социальных дисциплин. Советской послевоенной социологии нужно было пройти едва ли не заново весь этот период, а польская социология сложилась в довоенное время, и ее никто не «отменял». Принудительный монизм марксистской точки зрения, провозглашенный при образовании социалистической Польши, не разрушил довоенные традиции социологического мышления, сложившиеся под влиянием европейской науки и культуры.

Вторая стадия становления любой дисциплины – ее институционализация. Науки нет, если нет научных центров, системы подготовки кадров (университетов), научных журналов, издательств, которые выпускают книги. Всё это польские социологи довольно быстро реанимировали после Победы над фашизмом. Здесь

следует напомнить, что Вторая мировая война приостановила развитие социологической мысли едва ли не во всех странах. Европейская социология на какое-то время вовсе перестала существовать (И. Голосенко). В годы войны резко упал уровень исследовательской деятельности. Одна из немногих классических работ этой трудной для всего человечества поры – книга «Американский солдат», посвященная изучению боевого духа армии США. Ее авторы – американские ученые, мобилизованные для службы в войсках, сражавшихся против гитлеровцев. Польша находилась под фашистской пятой. Понятно, что тогда было не до социологии. Однако уже в 1950-е гг. механизм воспроизводства социологического знания действовал вполне успешно. В частности, возобновилось преподавание социологии в университетах страны, началась интенсивная публикация социологической литературы без ограничений на зарубежную классику. Поляки в числе первых установили деловые и прямые контакты с Международной социологической ассоциацией, приняли самое деятельное участие в ее конгрессах, считая свою национальную социологию частью мировой. По фазе институционализация советской социологии сильно отставала от польской. К чести поляков, они никогда не подчеркивали своих преимуществ и достижений, хорошо понимая трудности становления советской социологии в условиях послесталинского СССР.

Третья стадия связана с наличием развитой эмпирической базы. Полякам не пришлось заново обучаться теории и методам организации социологических исследований и кустарно переводить книгу Гуда и Хатта. Высокая культура проведения этих исследований была заложена еще в довоенное время. Польский исследовательский опыт был по достоинству оценен моими соотечественниками-социологами. С поляками было не только интересно, но и полезно работать. Сотрудничество с ними обогащало нас.

Говоря иначе, в 1960-е гг. состояние польской социологии отвечало едва ли не всем науковедческим критериям, а в СССР еще не решались назвать «кошку кошкой». Социология числилась у нас под именем «конкретные социологические исследования». Да и первый *de facto* социологический академический институт был назван ИКСИ АН СССР – Институт конкретных социальных исследований. А слово «социология» на партийном языке ассоциировалось с буржуазной наукой. Чувствуете разницу? Я усилию ее ссылкой еще на одно обстоятельство. Заболевание части польских социологов доктринальным марксизмом-ленинизмом было не очень сильным. Хотя среди них было много теоретически подкованных марксистов, которые сознательно разделяли учение Маркса, принимали его на вооружение, честно пытались найти ему подтверждение в практике строительства новой Польши. Многие из них и в социализм по-настоящему верили, так же как и мы в то время. Во всей стране было достаточно большое количество людей, настроенных просоциалистически. Но степень раболепия перед непобедимым учением была ниже советской.

Между нами были равноправные деловые и человеческие контакты. Складывание общей точки зрения проходило безболезненно, одни, как бы исподволь, учили других на основе перекачки опыта каждой из сторон. Отмечу теплоту этих отношений, подлинно дружескую атмосферу, основанную на общем интересе к социологической науке, сотрудничестве в самых разнообразных формах, личных связях и симпатиях, радушии, гостеприимстве, которое, как правило, не обходилось без застолья.

После того как контакты двух социологических миров – советского и польского – были установлены, мы начали их догонять, правда, со своей скоростью. Но все равно, общие условия развития социологической науки у них были более благоприятными. Польские социологи не испытывали давления цензуры в той степени, какая была характерна для последних десятилетий СССР. Мы поневоле и прочно сидели в плену монистического взгляда на историю и общество, как сказал бы Г. Плеханов. Взгляды поляков были более гибкими, пластичными, диверсифицированными, несли на себе следы естественного для их национальной традиции плюрализма. Потому что, повторюсь, период советизации у них был короче, и их мозги не так пострадали, как наши. Тем не менее это не приводило к какому-то противостоянию. Сложилось две примерно равноценные когорты, и ни с кем больше советские социологи так интенсивно не общались в 1960–1970-е гг., как с поляками. С ними были самые прочные отношения, и, я думаю, даже самые откровенные, искренние. Столько, сколько мы друг другу рассказывали, мы не рассказывали никому. Мне лично тогда казалось, что первые по близости люди в славянском и социалистическом мире это – поляки. А потом остальные, не в обиду им будь сказано.

Весьма любопытно, что в Польше не было головного в советском понимании института социологии. Центральным обществоведческим учреждением был Институт философии и социологии (ИФИС) Польской академии наук. В отличие от советских философов, их польские коллеги в своей массе были весьма либерально настроены. И если мы не питались идеями наших официальных философов, то только в силу их ортодоксальности. В отличие от нас, польские социологи равнялись в большей степени на своих философов. Ценили их свободный и глубокий ум, высокую образованность. Если бы советским социологам предложили влиться в Институт философии, они бы закричали: «Караул!». А здесь, в стенах ИФИС философы и социологи гармонично сосуществовали, разделив сферы познания в соответствии с предметом каждой науки. Больше того, ИФИС как центр сосредоточения философов и социологов ни разу не подвергался никаким гонениям. Политическая история польской социологии в этом смысле более спокойная, там не было таких разгромов и вмешательств по указаниям партии, какие имели место у нас. Философы и социологи ПНР постоянно ездили в Европу и США, приобретали утраченный было международный лоск, одновременно искали путь к самостоятельным представлениям, отчетливо понимая, что, рано или поздно, сохранив с нами отношения, они будут сами по себе, а мы – сами по себе. Хотя, кстате, такое будущее очень редко обсуждалось, с ним соглашались по умолчанию. Вот это тоже очень существенно.

И они дальше нас ушли в процессе институционализации. Если обратиться ко второй половине 1960-х гг. (пик «шестидесятничества»), то в это время мы продолжали сочинять инициативные записки в ЦК КПСС со ссылками на богатый опыт и достижения зарубежной, в частности польской, социологии. Я был в Англии стажером на Би-би-си и по возвращении домой написал обстоятельную бумагу на тему о том, что надо изучать аудиторию, надо знать, что люди думают о телевидении, что само телевидение должно быть человекоцентричным, опираться на потребности людей, а не на директивы и команды сверху. Обращение в «инстанцию» не привело к конкретным результатам.

А польские социологи поступили иначе. Они создали при польском радио и телевидении в 1970-е гг. профессиональный центр изучения общественного мнения и начали очень методично, день за днем опрашивать радиотелевизионную аудиторию страны: «Что вы вчера смотрели, что позавчера смотрели, как вам это понравилось? Сколько времени затрачиваете на просмотр телепрограмм?..» Коммуникатор должен знать общую ситуацию, кто и сколько смотрит телевидение (слушает радио), какие программы и по каким причинам выбирает. Важна информация о доступности телевидения и радио в разное время суток, в разные дни недели, построчная на кривых «засыпания страны» и подсчетах доли бодрствующих зрителей по отношению ко всей потенциально возможной аудитории. Коммуникатор обязан знать, сколько людей, находящихся дома в данный момент времени, могут смотреть телевизор и сколько из них фактически его смотрят. Это все азбука радиотелевизионной программной политики.

Вся эта система у поляков работала слаженно. Они не очень этим хвастались, не бравировали. Результаты опросов были доступны всем желающим, издавались на польском языке, пожалуйста, покупайте, читайте. Поляки на этом не остановились и приступили к изучению общественного мнения населения страны. Так социология в этой социалистической стране стала востребованной не только властью, но и обществом. Другое дело, что поляки не могли с помощью этих исследований изучать отношения к Советскому Союзу, социализму и его ценностям, но тем не менее они научились (даже при условии названных ограничений) держать руку на пульсе своей страны. В СССР Всесоюзный центр общественного мнения (Заславская, Грушин, Левада) возник лишь в 1988 г.

Общей тенденции развития социологии отвечает создание в Кракове Печатоведческого центра «на зависть» всей журналистике социалистических стран с интересной программой (история польской прессы, анализ ее функционирования в условиях социалистической Польши). Благодаря этому польские социологи видели, в каком направлении развивается процесс массовой пропаганды. У нас такого обстоятельного и многолетнего мониторинга не было.

Обозначу еще один ресурс развития социологического знания и мышления. Среди поляков, в частности среди польской интеллигенции, было много людей, знавших европейские языки – такие как английский, французский, немецкий. Многоязычие – характерная черта многих относительно небольших стран. Отсюда и более высокий уровень космополитизма широко понимаемой польской культуры. У нас в 1950-е гг. космополитизм преследовался, его «выжигали каленым железом» уполномоченные на то органы государственной безопасности, а поляки продолжали жить в поликультурном поле, созданном в процессе их многовековой истории. По этим причинам зарубежная социологическая мысль никогда не изгонялась из умов жителей этой страны. Труды Конта, Спенсера, Вебера, Дюркгейма, Мангейма, Знанецкого и многих других классиков мировой и европейской социологии постоянно переводились, переиздавались, они пользовались спросом и никогда не заносились в проскрипционные списки книг, предназначенных для изъятия из хранилищ библиотек, читален, с книжного рынка или уничтожения «по акту», как это десятилетиями делалось у нас под руководством Главлита и вездесущих представителей ВЧК-ОГПУ-НКВД. Граж-

данин Польской народной республики имел больше шансов прочесть на своем родном (или на зарубежном) наречии многое из того, что запрещалось читать советскому гражданину.

Польский книжно-журнальный рынок в 1970-е гг. стал источником информации, которую Главлит СССР в то время относил к разряду сведений, предназначенных «для научных библиотек» или «для служебного пользования», а то и вовсе запрещал. На этом рынке имели свободное хождение тексты «самиздата» и «тамиздата». Вот еще одна из причин, в силу которой поляки были более раскованными, чем мы. Знать польский язык – значило получить доступ к источнику запрещенной в СССР информации. Многие мои коллеги-социологи так и делали: учили польский язык и сразу попадали в более свободное информационно-культурное пространство. В те годы возник особый стиль, характерный не только для социологов, но и, вообще говоря, для читающей советской публики. Носители этого стиля в Ленинграде регулярно навещивались в магазин книг стран народной демократии на углу улицы Герцена (ныне Большая Морская) и Невского проспекта и «выгребали» оттуда всё польское, читали с увлечением и щедро делились своими открытиями в дружеском кругу.

Я все время подчеркиваю, что, может быть, человеческие отношения были равные, а в профессиональном отношении мы во многих смыслах им уступали. Но никого из нас это не обижало. Мы, глядя на них, понимали, в чем они более продвинуты по сравнению с нами. Учить молодых людей социологии, направлять их в Европу или США для получения университетского социологического образования стало возможным лишь в предзакатную пору советской власти. Что касается наших польских партнеров, то у них ядро социологически образованных людей обозначилось гораздо раньше, чем у нас.

Закономерно, что книгу «Элементарные понятия социологии» (она вышла в свет в Польше в 1966 г., а ее перевод на русский язык был опубликована в СССР в 1969 г.) написал академик Я. Щепаньский, в то время директор ИФИС, вице-президент Польской академии наук по общественным наукам, президент Международной социологической ассоциации. Он был европейски образованным ученым. По свидетельству советского академика А.М. Румянцева, директора ИКСИ АН СССР, он великолепно знал многоязычную социологическую литературу, в равной мере наиновейшую и старую, прекрасно и безошибочно ориентировался в неисчислимом обилии социологических, философских, социально-психологических, исторических, демографических школ, течений и направлений, обладал редкостным умением находить «рациональное зерно» и давать точную оценку как самым абстрактным теоретическим направлениям, так и сугубо конкретным выводам. Эта книга – базовый учебник для социологов всех социалистических стран. С ее страниц молодая для нас дисциплина впервые за многие годы заговорила на языке мировой социологии, она опиралась на научную терминологию, а не на советский идеологический «новояз». Хорошую профессиональную подготовку имели практически все лидеры основных направлений польской социологии, в частности В. Веселовский, Я. Жигульский, М. Клоковска, С. Новак, В. Писарек. Я называю только тех, с кем я был лично знаком и поддерживал постоянные контакты.

В Польше я впервые побывал в самом начале 1980-х гг. До этого я принимал участие в социологических «тусовках», проводившихся совместно с польскими коллегами на родной земле. Моим знакомством с польскими социологами очень способствовал В. Ядов. Он был contactman из первого эшелона советских социологов, а я представлял второй эшелон. Ядов знакомил меня со своими польскими коллегами и говорил: «Вот хороший мужик, Борис Фирсов, познакомьтесь». Целью первой поездки, возвращаясь к ней, была стажировка в ИФИС и в Краковском печатоведческом центре. Еще раз я побывал в Польше в 1982 г. Тогда в Варшаве проходил очередной семинар Международной ассоциации по изучению массовой коммуникации. Сверх того, у меня были тесные связи с сотрудниками Центра исследований общественного мнения при Польском комитете по радиовещанию и телевидению. В изданиях этого центра вышло несколько моих статей.

Этими примерами я хочу подчеркнуть, что сфера нашего профессионального общения была теснее всего связана с научными направлениями, которые мы и они, поляки, представляли. Политизация советской социологии и советских социологов произошла в период перестройки, а до этого мы ездили и встречались по своим академическим делам. Я хотел познакомиться с помощью Яна Щепаньского с исследованиями ИФИС в сфере массовой культуры (поляки тогда в этой области лидировали). Поэтому именно к нему я и поехал.

«Солидарностью», возникшей, как известно, в 1980 г., занимались тогда сотрудники из Института международного рабочего движения в Москве, а также дипломаты и политики. Политологии в современном понимании в Советском Союзе тогда еще не было. По этой причине прямые контакты советских исследователей с деятелями, активистами «Солидарности» отсутствовали. Мы больше о них читали, слушали зарубежное радио, но непосредственных контактов не имели.

Было совершенно понятно, что появилась новая общественная сила и традиционная структура общества меняется, возникает альтернатива, появляются оппоненты социалистическому строю, возникают не только центростремительные, но и центробежные силы. Чем это все кончится? Будет ли это у нас и в какой форме? Такие вопросы не могли не приходиться в голову. Нет, я не пытался прогнозировать, но сравнения были неизбежны. К тому же общность судьбы СССР и Польши тогда представлялась несомненной. Наверное, по этой же причине более ранние события – 1956 г., произошедшие в Польше, не заострили моего внимания. Понять тогда и даже в самом начале 1980-х гг., что начинается обрушение тоталитарной системы восточно-европейского социализма, я сумел лишь много позже.

«Размораживание» моего сознания относится к перестроечному периоду. Именно тогда началось общее движение к финалу советской истории. При этом развитию воображения содействовали не столько польские сюжеты, сколько беды советской истории. Было ясно, что у нас произойдет что-то свое. Размышляя о Польше, я допускал, что события вокруг «Солидарности» могут закончиться серьезной вооруженной борьбой. Но поляки сделали все возможное, чтобы избежать кровопролития, и я, если не восхищался, то, во всяком случае, оценил, что им удалось найти мирный путь разрешения конфликта. Мудрость польского народа здесь восторжествовала. Возможно, что поляки лучше, чем мы, усвоили уроки собственной истории. Были аресты, и далеко не единичные, но это дело привычное для социалистического лагеря. А кровь не пролилась.

Подводя итог польскому влиянию на советскую социологию, отвечу афористическими, но очень точными словами, вынесенными в заголовок этого раздела: Польша была Востоком на Западе и Западом на Востоке. Это была страна, где имелось более сильное фактическое западное влияние, с высокой степенью либерализма, свободы слова и гласности. Польские юмористические журналы имели самую высокую популярность в нашей стране, ибо эти журналы открыто демонстрировали свое свободомыслие. Результирующее воздействие Польши было в каком-то смысле просветительским, но не без общеполитических последствий. Поляки заставляли нас задумываться над тем, насколько правильно и справедливо устроена наша советская жизнь.

Возрождающаяся советская социология глазами западных социологов

Факт возрождения социологии в СССР не прошел мимо внимания западных, прежде всего, американских, ученых⁷. В целом их работы, посвященные «новой науке», объединяла тема «Интеллектуал в социалистических обществах». Важно, что они несли на себе печать непредвзятости, демонстрируя политическое здравомыслие. Полный обзор и анализ этих публикаций не входит в мои задачи, но все же я сошлюсь на четыре из них, авторы которых, подобно пилигримам-путешественникам, открывали для себя и своих коллег terra incognita марксистско- ленинской социологии.

Первый визит американских социологов состоялся в итоге двухлетних переговоров между Национальной академией наук США и АН СССР. В мае 1961 г. нашу страну посетила делегация ученых-бихевиористов, в состав которой вошли шесть психологов, один психиатр, один антрополог и два социолога – Р. Мертон (Колумбийский университет) и Г. Рикен (Национальный научный фонд), на чью работу я далее буду ссылаться [*Merton, Riecken 1962*]. Визит был успешным. Американцы получили полную возможность встретиться с теми учеными, которых они хотели видеть, и посетить все места, в которых они хотели побывать. Важна одна деталь, о которой пишут авторы статьи: большинство членов «официальной миссии» вернулись домой с нелегким ощущением того, что им навряд ли удалось бы отплатить «великодушное гостеприимство» хозяев, случись советской делегации приехать в США.

Время визита совпало с решительными шагами по расширению масштаба и спектра социологических исследований в СССР, что в конечном счете более всего интересовало гостей. Прежде всего, им бросилось в глаза, что исследования ведутся в стенах научных учреждений, в отличие от США, где основной базой для развития науки являются университеты. В частности, призванная на службу делу социализма социология нашла временный «приют» в Институте философии АН СССР, что не исключало возможности создания для нее отдельной академической структуры.

⁷ См.: *Merton, Riecken 1962; Fisher 1964; Weinberg 1964, 1974; Hollander 1965; Parsons 1965, p. 121-125; Lane 1970, p. 43-51; Gouldner 1970; Shalin 1978, p. 171-191; Beliaev, Butorin 1982, p. 418-435; Гоулднер 2003, с. 504-536; Фишер 2008.*

Главное, однако, состояло в другом. Мертон и Рикен уловили центральную проблему развития социологических исследований, связанную с дискуссией о связи между возрождающейся социологией и историческим материализмом, официально считавшимся ее философской базой. Было понятно, что генеральная марксистская доктрина не может обеспечить политиков и ученых нужными эмпирическими результатами. Эта насущная и актуальная потребность могла быть удовлетворена лишь с помощью «конкретных социологических исследований» – нового для общественных наук понятия, которое буквально на глазах набирало силу и входило в постоянный научный оборот. Американцы стали свидетелями необычайно высокого, бросающегося в глаза интереса к развитию эмпирической социологии и созданию исследовательских центров в крупных городах нашей страны (Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси и др.). Советскую ориентацию на эмпирическое познание общества Мертон и его коллега определили как «практический эмпиризм» (тип исследований, который обеспечивает получение обоснованной информации для принятия политических решений и разработки мер практического свойства и направленности).

Американцы отмечали, что конкретные социологические исследования стали играть в развитии социальных наук большую роль, чем традиционные попытки превращать эти дисциплины в источник философского знания. Недаром основные идеи и цели первых социологических «штудий» вытекали из вполне очевидного факта, согласно которому Маркс, Энгельс и даже Ленин не могли предвидеть многое из того, что составляет суть социализма, тем более – предусмотреть все детали строительства новой жизни. Отсюда миссия социологии – обнаружить эти «детали» и создать в итоге более подробные «чертежи» для реализации коммунистического проекта. Наиболее серьезные направления социологической деятельности – изучение отношения к труду, семье, бюджетов рабочего и свободного времени.

Общая оценка состояния новой дисциплины была весьма сдержанной: «Возможность детального анализа социальных проблем [в СССР] настолько сжата со всех сторон официальной доктриной, ценностными ориентациями и сложившимися убеждениями, что это едва осознается самими исследователями. В известной степени это влияет на используемые методы изучения эмпирических данных. Многовариантный анализ становится, попросту говоря, ненужным, когда «практический эмпиризм» требует лишь отождествления широких масс людей, которые ведут себя различающимся образом, когда социологическое исследование рассматривается в качестве служанки запрограммированного социального действия. И все же, не пытаясь брать на себя сомнительную роль пророков, мы склонны верить, повторяем, что по мере развития эмпирических исследований в советской социологии будет иметь место все большее сближение, по меньшей мере, методов, применяемых в СССР и США» [Merton, Riecken 1962, p. 14].

Оптимистичными были выводы, к которым пришел американский политолог и социолог Дж. Фишер⁸ после серии своих поездок в послесталинский Советский

⁸ Джордж (Юрий) Фишер – политолог и социолог, многими путями связанный с Россией и российской эмиграцией. Он родился в 1923 г. в Берлине в семье американского журналиста и писателя Луи Фишера и переводчицы советского посольства в Германии Берты Марк. В 1927 году семья Фишеров переехала из Берлина в Москву, куда отец был

Союз [Fisher 1964]. Установив знакомства с молодыми учеными, вовлеченными в процесс создания новой науки, Фишер высоко оценил их энтузиазм и серьезность намерений. Он обратил особое внимание на практическую ориентацию всего корпуса советских наук, будь то естественные, социальные или гуманитарные дисциплины, включая искусства, твердо стоявшие на платформе социалистического реализма. Один из сквозных тезисов Фишера – интенсивная кристаллизация науки, которую в 1961 г. не смогли в полной мере установить Мертон и Рикен. Он связал этот феномен с уточнением советского представления о социологии (в равной степени научного и официального); с заметным ростом числа ученых, активно участвующих в разработке проекта советской социологии; с интенсивным ростом публикаций на базе социологических исследований; с развитием всеобщей связи между государством и вновь возникающей отраслью научного знания, которая, по его представлениям, не имеет прецедентов в анналах современной науки, хотя зарубежным ученым приходится сомневаться в том, что эта «интимная связь» вообще сможет принести какие-либо научные плоды [Фишер 2008, с. 350].

Еще одно замечание касалось изменения отношения к работам американских социологов. Краткие резюме и комментарии к их трудам уступили место переводам книг. Издательство иностранной литературы выпустило книгу Ч.Р. Миллса «Властвующая элита» (1959) (Ch. Wright Mills. «Power Elite»). В 1961 году то же издательство опубликовало перевод хрестоматии, вышедшей в 1954 г. (ред. Г. Беккер и А. Боскофф) под названием «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении»⁹ [Фишер 2008, с. 374].

В другом ключе изложил свои впечатления от визита в СССР Т. Парсонс [Parsons 1965]. Мандата изучать состояние социологии у Парсонса не было, но все же он отметил существенный прогресс тех направлений, которые наблюдали Мертон и Рикен, и подчеркнул основательность планов создания новой науки (акцент на технике и методах исследований, нацеленность на достижение высоких стандартов научной деятельности). Парсонса более всего интересовали вопросы теории, и он сосредоточился на дискуссиях с различными группами советских социологов [Parsons 1965, p. 123–124]. Первой темой для Парсонса стало возрождение интереса в США к проблемам социальных изменений. Парсонс защищал принцип непрерывности естественной и социокультурной эволюции как альтернативу де-

направлен работать корреспондентом газет «Nation» и «Sun». В Москве Джордж, уже Юра, быстро увлекся городом, страной и перешел на русский язык. Репрессии 1930-х гг. многое изменили в его безмятежной комсомольской юности. Его отец (Луи Фишер) надолго покинул семью и уехал в Испанию, где сыграл очень большую роль. Тем временем его мать, опасавшаяся разгула сталинского террора, сумела, вопреки желанию сына, вывезти Юрия в Нью-Йорк, в чем ей основательно помогла Элеонора Рузвельт. Окончив школу, Юрий поступил в Висконсинский университет, но вскоре был призван в армию. Окончание войны Фишер встретил капитаном американской армии, работая в ставке Эйзенхауэра. Позже, став докторантом Колумбийского университета (1948-1952), Фишер инициировал широкомасштабный проект исследований послевоенной советской эмиграции. В 1952 году он защитил докторскую диссертацию «Советское противостояние Сталину во Второй мировой войне». Отойдя вскоре от эмигрантской проблематики, он увлекся русским либерализмом и идейными исканиями русской интеллигенции начала XX в. В начале 1960-х гг. Фишер часто бывал в Москве, встречался с довоенными московскими друзьями и молодыми социологами. Результатом этих поездок стала его книга «Наука и политика: новая социология в СССР», изданная Корнельским университетом в 1964 г. Его последняя книга о Советском Союзе («Советская система и современное общество») была напечатана в 1969 г. Умер Дж. Фишер в 2005 г. в Филадельфии (см.: [Понов 2005]).

⁹ [Becker, Boskoff (eds.) 1954].

терминизму исторического процесса. Тема вторая – роль социальной психологии, субъективных факторов в отличие от акцента марксистов на объективные структуры социальных систем. Тема третья – обратная связь, которой дополняется социальный контроль, проистекающий из иерархического представления об устройстве общества.

Парсонс делает для себя важное открытие. Социологи, по своим воззрениям – антиподы родоначальнику функционализма, с готовностью обсуждают «горячие» темы, демонстрируют при этом эрудицию, знание английского языка, знакомство с канонами функционализма и намечают области для диалога и сближения картин мира в профессиональном сознании представителей каждой из сторон. Сходимость взглядов, которую он наблюдал, говорила не столько об идеологических уступках, сколько о проявлениях здравого смысла перед явью реальных фактов развития мира. Обе стороны соглашались с тем, что тотальный детерминизм противоречит аналитической (теоретической) концептуализации развития капиталистического и социалистического общества. Внимание к установкам является не только необходимым, но и неизбежным. Субъективные установки определяют социальное действие, которое для марксистов выступит в роли объективной реальности. Сквозь призму «кибернетического контроля» проступают черты самоорганизации, в которой нуждается любой тип современного общества.

Различия идеологий и ценностей очевидны, однако ничто не говорило о том, что их со временем нельзя уменьшить. Теоретический подход советских социологов (который несотличим от идеологии) и эмпирический подход американцев обозначают полюса в позициях сторон. Между ними находится много проблем, которые могли бы обсуждаться и успешно решаться путем развития профессиональных контактов, обмена публикациями, сотрудниками. Советская сторона заявила о желании перевести ряд американских работ на русский язык.

Марксистская теория всегда несла на себе следы политического активизма, писал Парсонс. Исторический путь, по мнению советских социологов, зависит от решений, принимаемых людьми, и потому, если эти решения не будут подтверждены эмпирически и осмыслены философски, процесс может пойти в неверном направлении. Проблемы перехода к коммунизму «нависают», требуя принятия мер, но наиболее сложная и неотложная состоит в минимизации принуждения, на которое привычно опиралась советская система при Сталине. Однако цель советской социологии состоит в том, чтобы содействовать социальной реконструкции общества, но обойтись без внушения населению мысли о том, что для этого оно должно было быть свободным [Parsons 1965, p. 123]. Социологическое воображение и зоркая наблюдательность здесь Парсонсу не изменили.

Особенно важной для данного очерка мне показалась работа американского социолога А. Гоулднера¹⁰ [Gouldner 1970; Гоулднер 2003]. В своей книге он сумел пред-

¹⁰ Алвин Гоулднер (1920-1980) – видный американский социолог, Макс Вебер – профессор социологии Вашингтонского университета (с 1967 г.), Амстердамского университета (1972-1976). Прожив сравнительно недолгую жизнь, он оставил работы, не теряющие своей актуальности и сегодня. Книга, на которую я подробно ссылаюсь [Gouldner 1970], была написана в 1970 г. и принесла автору всемирную известность. Ее значительная часть посвящена критике структурного функционализма Т. Парсонса, современной социологии и социологического знания, во многом зависящего от контекста эпохи и носящего субъективный характер. Критикуя все существующие

ставить близкую к реальности картину развития социологии в восточноевропейских странах, используя факты и впечатления, полученные им во время двух ознакомительных поездок – в 1965 г. (Польша и Югославия) и в 1966 г. (Советский Союз). Предложу читателю выводы, подводящие итог становлению новой социальной науки за «железным занавесом», разделявшим тогдашний мир на две части.

Вывод первый. «Кажется бесспорным, – писал Гоулднер, – что в этих странах существует, развивается и делается все более автономным некое образование, состоящее из явно социологической по своему характеру теории и конкретных исследований. Это не возрождение марксизма и не новый всплеск в его развитии. По своему составу, организации и содержанию оно отличается, и отличается намеренно от традиционного марксизма. Оно и не «неомарксизм». Ему предназначено стать чем-то новым, это – «академическая» социология. Кое-где ее и в самом деле определяют как результат ассимиляции «западной» социологии. В Советском Союзе самые глубокие ее корни уходят в Ленинград, Москву и Новосибирск и оценивают ее по критериям, которые весьма отличаются от критериев традиционного марксизма. Новые исследовательские институты создаются благодаря ей. Растет число издаваемых переводов американских теоретических трудов, включая чисто функционалистскую «Социологию сегодня» («Sociology Today», сборник статей)¹¹, и хотя часто интерес проявляется к чисто техническим разработкам исследовательских методов, но он отнюдь этим не ограничивается...» [Гоулднер 2003, с. 517].

Вывод второй будет не менее интересным. «Развитие отдельных социологических специальностей в Восточной Европе не надо понимать как подтверждение “антисоциалистических” или “антипартийных” взглядов старой университетской интеллигенции старшего поколения. Во-первых, настоящая жизнестойкость восточноевропейской социологии часто проявляется среди молодых людей. Во-вторых, что еще более важно, новую социологию сегодня возглавляют люди, занимающие ответственные посты в коммунистических партиях своих стран и бесспорно им преданные. В самом деле, насколько я могу судить, лучшее в социологии – наиболее теоретически изощренная и эмпирически точная социология, даже по американским критериям, – создается членами коммунистической партии» [Гоулднер 2003, с. 520].

Новый интерес к социологии, возникший в послесталинских социалистических обществах и государствах Восточной Европы, отражал их потребность прежде всего в достоверной и реалистической картине окружающего мира. Корни этой потребности были связаны с кризисом доверия по отношению к средствам массовой коммунистической пропаганды, что в итоге стимулировало общественный запрос на «описания жизни, которые не были опорочены связью с официальными источниками сталинской эпохи» [Гоулднер 2003]. Такого рода запрос был элемен-

социологические подходы, в том числе и марксистский, за идеологичность, Гоулднер попытался освободить от нее свою «критически-рефлексивную» (альтернативную) социологию. На формирование взглядов Гоулднера существенное влияние оказали идеи Маркса, неомарксизма, Франкфуртской школы и других левых идеологических течений того времени.

¹¹ Имеется в виду книга Р. Мертона «Sociology Today» [Merton 1960], позже переведенная на русский язык для самообразования социологического сообщества (см.: [Мертон 1965]).

тарным, не требовавшим от новой науки демонстрировать многообразие ролей, в которых в принципе она могла бы выступать.

С учетом последнего тезиса роль советской социологии на стадии ее становления Гоулднер определил как «академический журнализм», к сообщениям которого общество в лице различных субъектов (население в целом, отдельные социальные группы, представители власти) уже тогда начало испытывать определенное доверие. Момент установления такого доверия был подкреплён и тем, что первые поколения советских социологов никогда не рассматривали свою миссию как работу по реставрации сталинизма. Риторика интеграции советского общества и лучшей его организации, стремление к ликвидации диспропорций развития (цели, о которых говорили советские социологи в беседах с Гоулднером – Б.Ф.) свидетельствовали об одном: новая наука воспринимала многие стороны социального мира как данность и видела свою задачу в том, чтобы сделать их взаимодействие более уравновешенным [Гоулднер 2003, с. 523–524].

При всей важности сделанных выводов их можно считать частными по отношению к общим задачам, которые поставил перед собой Гоулднер как исследователь развития социологической дисциплины, сознательно выведя ее за пределы национальных границ. В этом качестве он выступил в роли критика современной ему западной социологии и особенно структурного функционализма Парсонса, на который она опиралась. В сферу его критической рефлексии вошли марксистская парадигма и учение Маркса – фундамент повторно провозглашенной марксистско-ленинской социологии, которую Гоулднер признал «легитимной» и включил в контуры и поля мировой социологической науки. Для себя я назвал эту часть его теоретических построений первыми этюдами *социологии* советской социологии. Они существенно расширяют панораму нашей дисциплины, которая открывается с выбранных Гоулднером «точек наблюдения».

(1). Социология как дисциплина, рассуждал Гоулднер, не может быть монолитной ни в научном, ни в политическом отношении¹². *Административная* ветвь ее рассматривает мир с точки зрения ценностей и потребностей управленческого сектора государства. Если она при этом поддерживает новую политику, то делает это только в тех пределах, которые соответствуют целям защиты и укрепления институтов власти. Изучение тех же институтов как источников порождения присущих обществу противоречий и конфликтов остается за пределами ее научных программ. Признавая наличие проблем, связанных с поддержанием статус-кво, она считает их преодолимыми в рамках деятельности основных институтов общества и тем избегает постановки вопроса о необходимости их существенных изменений. Отсюда решения, которые административная социология ищет, предлагает, делает предметом анализа и оценивает, сводятся к решениям, не противоречащим «положению вещей» на данный момент. Представители административной социологии мыслят скорее бюрократически, чем политически, ибо игнорируют возмож-

¹² Работа Гоулднера несет на себе печать политической корректности. В ряде случаев он говорил не о том, что есть, сколько о том, что с большой вероятностью произойдет. В этом смысле его тезисы об особенностях академической и административной социологии носят характер предупреждения о возможности бифуркации того пути, который в реальности прошла советская социология.

ность такого развития политических процессов, в ходе которого одна альтернатива должна была бы побеждать другую. В сущности, в своих объяснениях они не затрагивают, обходят власть, как бы «игнорируют» ее, не замечая и не чувствуя, что являются продолжением власти и, по сути дела, слиты с ней.

Антиподом административной социологии является *академическая социология*. В представлениях Гоулднера ее отличают «критический дух», сомнения в незыблемости статус-кво, меньшая связь с руководящим государственным аппаратом, сочувствие идеям либерализма. В отличие от административной социологии, не знающей сомнений в своей апологии власти, академическая социология принимает на себя груз противоречий между обществом и властью. Основной конфликт внутри нее происходит между теми, кто понимает и поддерживает ее прежде всего как инструментальное орудие (поскольку она может оказывать и оказывает технологическую поддержку институтам руководства и управления государством и обществом), и теми, кто видит в академической социологии идеологический источник собственных либеральных побуждений и кто хочет, чтобы она развивалась в направлении защиты прав и свобод человека.

Сценарии развития социологии, написанные Гоулднером в конце 1960-х гг., оказались весьма близкими к тому, что имело место в реальности и что ретроспективно отразило профессиональное сознание советских социологов в конце 1990-х. Сошлюсь в этой связи на воспоминания В.Н. Шубкина: «После XX съезда партии было трудно обрушиваться с репрессиями. Потому и началось, хотя и медленное, но неуклонное «восхождение на Голгофу» двумя отрядами – апологетическим и социально-критическим. Первый из них всегда будет игнорировать глубинные пласты реальных процессов и явлений, сохранит на себе власть догм и схем, освоенных в молодости. Второй сделает много для раскрытия картин общественной жизни...» [Фирсов 2001, с. 79].

(2). В своем постижении феномена советской социологии Гоулднер не прошел мимо марксистского учения, под знаменем которого она возродилась. Подобно многим университетским образованным профессиональным социологам на Западе¹³, он не отрицал его значения и роли как одной из научных доктрин XX в., повлиявших на формирование социальной мысли и на ход человеческой истории. Его задача состояла в том, чтобы привлечь внимание к кризису марксизма как объяснительной теории общественного развития и указать на возможность использования других теорий для сохранения и развития познавательного потенциала социологической науки.

¹³ «А сейчас дело доходит до анекдотов. Мне сдавал экзамен один аспирант, выпускник социологического факультета нашего университета. Я у него стал спрашивать о Марксе, а он заявил, что Маркса вообще не читал. Это выпускник университета! Он для себя этого классика вычеркнул. Я говорю: "Парень, если бы ты сдавал экзамен в западном университете, не зная Маркса, ты бы его не сдал". Мы ему поставили "удовлетворительно", якобы он нас "удовлетворил" познанием всяких там мелких букашек социологических. А Маркса не читал! И теперь образование такого сорта. Студенты очень избирательно читают. Я беседую со многими молодыми преподавателями социологии, каждый читает, исходя из своего багажа знаний, и багажи их скудны. Калечат молодежь! С другой стороны, с теорией непонятная ситуация. У нас есть и кондовые марксисты, и неомарксисты, функционалисты и неофункционалисты, сторонники феноменологии. Это хорошо, потому что диктат одной теории губит. Все методы идут навстречу друг другу, но надо обладать потрясающим умом, чтобы этой возможностью воспользоваться» [Голосенко 1997].

Одновременно он признавал факт исторически сложившегося разделения мировой социологической науки на два лагеря, каждому из которых были присущи свои интеллектуальные традиции и познавательные парадигмы. Фактом следовало считать взаимную изоляцию лагерей и отношение друг к другу (мягко говоря) с взаимным пренебрежением. В недрах первого лагеря обозначилась и сложилась академическая социология – университетская социология капиталистического среднего класса с ее ядром – американской социологией; в недрах второго – партийная социология интеллигентов, ориентировавшихся на учение К. Маркса и пролетариат, которая достигла наибольшего успеха в Восточной Европе.

Как результат, в начале XX в. возникли два течения социологической мысли. Одно из них понимало общество как естественно движущееся к стабильности и порядку. Здесь социология и идеология узаконили быстрый прорыв к индустриализации относительно бескровным путем. Другое трактовало общество как все еще содержащее в себе «семена своего собственного уничтожения» и потому требующее принудительного изменения структур собственности и власти; его отличал разрыв со всеми предшествующими социальными теориями. Это была социология классов, стремившихся к благам, в которых историей им было отказано. В первом случае социология стала основным карьерным занятием пользующихся влиянием университетских профессоров; во втором случае социологическая деятельность связывалась не только с исследовательскими практиками, но и с социальным реформаторством в форме особого профессионального призвания – обязанности непосредственно участвовать в строительстве социалистического общества [Гоулднер 2003, с. 170].

Американская социология, составившая ядро первого течения, стала во второй половине XX в. синонимом социальной науки для большей части мира. Таков результат ее включенности в создание культуры своего общества, которое могло обеспечить исследование, регулирование и контроль за изменяющейся (обновляющейся) и широко понимаемой социальной средой. Не в пример этому, второе течение социологической мысли не смогло предложить миру образцов социологической деятельности, достойных для подражания. Более того, после упрочения сталинизма интеллектуальное развитие марксизма прекратилось [Гоулднер 2003, с. 47], а с ним было остановлено и развитие социологии.

Уже в середине XX в., писал А. Гоулднер, у марксизма возникли непреодолимые трудности с объяснениями «метаморфоз» обнищания пролетариата и с доказательствами тезиса об усиливающейся пропасти между трудом и капиталом. Если не окончательно, то вполне ощутимо марксизм «сломался» на конфликтах и проблемах социалистического общества, которые был не способен разрешить, и потому искал путь их принудительного и едва ли не вечного неприятия. К тому же доктринальный, советизированный марксизм не мог перенести диверсификацию способов строительства социализма в странах социалистического содружества (Венгрия, Польша, Китай, Куба, Югославия). Наблюдая за жизнью социалистических стран, Запад видел, как в их развитии наступает период «предупреждения революционных ударов по власти». Становилась все более понятной консервативная роль марксизма-ленинизма, узурпировавшего право выступать в качестве государственной теории строительства социалисти-

ческого (коммунистического) общества¹⁴. Главный просчет этой теории состоял в том, что она предлагала единственный путь развития, в то время как на самом деле их будет множество.

Во времена, когда Гоулднер наблюдал и анализировал процесс возрождения советской социологии, сама мысль о кризисе учения Маркса в нашей стране считалась бы «святотатством», крамолой. Будем правдивы, советские обществоведы не имели полномочий обсуждать и подвергать сомнениям каноны «всепобеждающего учения»¹⁵. Идеологическая машина работала на полную мощность; в вузовских аудиториях читались лекции по основам марксизма-ленинизма, а рабочие и служащие, включая служивую интеллигенцию, сдавали «ленинский зачет», занимаясь во всеохватной системе партийного просвещения. Наиболее добросовестные из числа слушателей получали от парткомов премию – пятитомник Л. Брежнева «Ленинский курсом». Изданный громадным тиражом, этот «шедевр» партийно-политической мысли середины 1970-х гг. долгое время пылился на затоваренных книжных складах, пока не был изобретен освященный правилами «партийной религии» этот «гениальный способ» продвижения пятитомника в массы граждан, интересующихся «современными вопросами теории и практики строительства развитого социализма». Избавиться от подарка было нельзя. Хотя в стране полным ходом шел сбор бумажной макулатуры, в обмен на которую можно было «достать» дефицитную художественную и приключенческую литературу, принимать пятитомник как «вторичное сырье», по весу, было строжайше запрещено.

Прозорливость западных ученых в том, что касается констатации кризиса марксизма (и его советизированной версии), была не сразу замечена в Советском Союзе. Более того, опираясь на собственный опыт, скажу, что она была по разным субъективным и объективным причинам проигнорирована и отложена до поры всеобщей гласности.

Вера в неисчерпаемый познавательный потенциал марксизма (которая наблюдалась на первых порах создания социологии) – одна из причин того, что новая наука слишком поздно обратила внимание на альтернативы марксистскому (монистическому) пониманию мира. Монизм здесь выступал синонимом определенной теоретической узколобости (*narrow-minded scholars*). Именно он помешал увидеть

¹⁴ Гоулднер напомнил, что пионером ослабления «взрывной силы марксизма» выступил Сталин. Заявленную им лично в 1950-е гг. полемику с академиком Марром Сталин (который умел каждый свой шаг иезуитски просчитывать наперед, упреждая многие возможные последствия) использовал для того, чтобы отказать сначала языку, а следом и советскому обществу в возможности быстрых и внезапных изменений. Там, где нет враждебных классов, там не нужны «взрывы». Подлинный марксизм, провозглашавший революцию повивальной бабкой истории, стал политически опасным для руководителя страны.

¹⁵ Здесь уместно напомнить дело Л.В. Карпинского [Пресса в обществе 2000, с. 558-562], исключенного из партии особым постановлением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1975) «за взгляды, несовместимые со званием коммуниста, и попытку организации нелегальной деятельности». Непосредственным поводом для его исключения из партийных рядов послужила рукопись работы «Слово и дело», где, в частности, он предлагал провести «общую очистительную дискуссии» с целью проложить путь к радикальным переменам как в жизни страны, так и в политике партии. Дискуссию он понимал как прообраз того общественного состояния, которое впоследствии составило бы обстановку в партии и стране в виде демократической нормы. «Задачи в дискуссии состояли бы в непрерывном расширении и углублении в сторону все более последовательных социалистических выводов; в содействии полному разгрому и окончательному захоронению сталинских концепций в общественных науках и массовом сознании; в решительной борьбе с малейшими антисоциалистическими или просто антиобщественными отклонениями» [Пресса в обществе 2000, с. 572].

кризис единственно правильного и непобедимого учения и сделать его предметом широкой научной дискуссии и постоянной темой обсуждения теоретических проблем и разделов социологической науки. Более того, дискурс современных социологических теорий был до минимума сведен в наших контактах с социологами зарубежных стран. Официальные источники, призванные поддерживать этот процесс, – книги, бюллетени Советской социологической Ассоциации, обзоры Института общественных наук АН СССР, теоретические разделы единственного в стране профессионального журнала «Социологические исследования», основанного лишь в 1974 г., – не могли восполнить дефицит общетеоретических представлений в сознании социологического сообщества. Отдам должное нашим западным коллегам. Они избегали открытой полемики по вопросам научного мировоззрения, зная к тому же, что официальными правилами для установления контактов с зарубежными учеными нам предписывалось «давать отпор представителям буржуазной науки».

В силу названных причин теория функционализма (многолетний оппонент марксизма) с большими задержками во времени «пришла» на Восток. Я далеко не парсонианец, однако могу выразить сожаление, что слишком поздно понял ряд важных сторон теоретических построений Парсонса, которыми он подчеркивает такие свойства социальных систем, какими являются их самоуправляемость, саморегулируемость, самоконтролируемость и самосохраняемость. Вместо этого мы долгое время разглядывали Парсонса со всех сторон, желая убедиться в безопасности приложения теории функционализма к нашему обществу¹⁶.

Идеи равновесия, баланса общественных сил формально работали на мельницу настроений «застойного периода». По этой причине «советских парсонианцев» не подвергали остракизму и преследованиям. Доходить до понимания того, что само зарождение функционализма является реакцией на неосуществимость тех способов развития, которые (с одержимостью, достойной лучшего применения) длительное время предлагали марксисты, у нас не захотели. Также не захотели понять, что теория социального порядка и ограничения может быть средством самозащиты от рецидивов brutального сталинизма. Здесь, однако, следует пояснить, что Парсонс на определенном этапе развития своих воззрений подчеркивал либеральную сторону теории социального порядка, утверждая, что спонтанные и самосохраняющиеся механизмы социального контроля обладают преимуществами перед государственным регулированием и контролем. Но это было время, когда «очарование» от всеобъемлющего централизованного планирования не прошло, и потому рыночные идеи были далеко не в цене. Их, попросту говоря, отвергали.

Я хочу подчеркнуть, что целостный подход к западной социологии у нас отсутствовал. При несомненном интересе к ее достижениям и результатам особос

¹⁶ А в это время, западная академическая социология находилась совсем в иной фазе, она проходила через кризис своего теоретического наследия. В среде многочисленной когорты молодых социологов США доминировало чувство отчуждения по отношению к функционализму, которое приняло коллективные и организованные формы. Методологическая критика функционализма стала повсеместной, затронув многие слои социологического сообщества. Самая главная подробность состоит в том, что от негативной критики сообщество приступило к разработке позитивных и альтернативных теорий, таких как теории Гофмана, Гарфинкеля, Хоманса и др. Их базовые предпосылки существенно отличались от тех, что составляли основу функционалистских моделей [Голднер 2003, с. 464–465].

внимание обращалось на развитие связей и сотрудничества, а также освоение богатого арсенала методических средств, с помощью которых наши коллеги изучали разные сферы жизнедеятельности общества. Наверное, мешали не слишком хорошая теоретическая подготовка, отсутствие упоминания «социологических университетов» в наших curriculum vitae. Жизнь в социологической науке проходила по правилам «догоняющей модернизации».

Подводя итоги...

Старое общество, которое мы хотим изменить, писал Гоулднер, опирается еще и на такой источник, как теория и идеология: «...невозможно ни освободить людей от власти старого общества, ни построить новое гуманное общество, не приступая здесь и теперь к созданию контркультуры, включающей новые социальные теории. Это невозможно сделать без критики старых теорий» [Гоулднер 2003, с. 28]. Не могу утверждать, что это аксиоматическое правило распространилось на отношение советских социологов к марксизму. Находясь в цепком плену партийной идеологии, мы обычно и привычно только «применяли», но практически никогда «не углубляли» марксистскую теорию.

Гоулднер в своих размышлениях шел гораздо дальше. Социология, утверждал он, имеет диалектический характер, и в этом качестве она обладает как репрессивными, так и освободительными тенденциями. Избавление освободительного потенциала современной академической социологии от тенет сдерживающей ее консервативной структуры является задачей современного культурного критицизма, пустившего весьма слабые корни в советской общественной системе. Недаром правящая партия и ее аппарат непрерывно подавляли любые попытки радикально мыслящих и диссидентски настроенных интеллектуалов освобождать советский марксизм от бюрократических и тоталитарных тенденций, которым он был в сильнейшей степени подвержен и излечивался от них весьма медленно [Гоулднер 2003, с. 37]¹⁷.

Литература

- Беседа с В.Ж. Келле (2001) // Вопросы философии. № 6 (Conversation with Kelle V.J. (2001) // Voprosy filosofii. № 6).
Вайль П. (2007) Карта родины. М.: КоЛибри (Vail P. (2007) The Map of the Motherland. Moscow: KoLibri).

¹⁷ Раскрепощающая советских людей сила социологии была невысокой, хотя следует помнить, что в этом случае дело не сводилось к исследованиям (познавательной деятельности). Не менее важные компоненты — действия, критическое отношение и сами усилия по изменению социального мира и социальной науки, которые следует считать глубоко связанными уже потому, что социальная наука является частью социального мира и частью концепции этого мира [Гоулднер 2003, с. 38].

- Геллер М., Некрич А. (1995) Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3 кн. М.: МИК (*Geller M., Nekrich A. (1995) Utopia in Power. The History of Soviet Union from 1917 to Present Day. In 3 books. Moscow: MIK*).
- Голосенко И.А. (1992) Социология Питирима Сорокина (русский период деятельности). Самара: Социологический центр «Социо» (*Golosenko I.A. (1992) The Sociology of Pitirim Sorokin (Russian period of activity) Samara: Sociological centre «Socio»*).
- Голосенко И.А. (1997) Я беру только Россию, мне ее с избытком хватает..., 2 апреля 1997 г. Записала М. Пугачева // Личный архив М.Г. Пугачевой (*Golosenko I.A. (1997) I Take Only Russia, for me its more than enough ..., April 2, 1997 Recorded by M. Pugacheva // Personal archive of Pugacheva M.G.*).
- Гouldнер А. (2003) Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука (*Gouldner A. (2003) The Coming Crisis of Western Sociology. St.Petersburg: Nauka*).
- Гудков Л.Д. (2008) Наша нынешняя социология – это компьютер на телеге // <http://www.polit.ru/Analitics/2008/11/12> (*Gudkov L.D. (2008) Our Current Sociology – Is a Computer on a Cart // http://www.polit.ru/Analitics/2008/11/12*).
- Егоров Б.Ф. (2004) Воспоминания. СПб.: Нестор-История (*Egorov B.F. (2004) Memories. St.Petersburg: Nestor-Istoriya*).
- Здравомыслов А.Г. (1969) Теоретические и методологические проблемы исследования социальных интересов. Автореферат диссертации ... доктора философских наук. М. (*Zdravomyslov A.G. (1969) Theoretical and Methodological Problems of the Social Interests Study. Dissertation theses ... of Doctor of Philosophy. Moscow*).
- Здравомыслов А.Г. (1999) От социального действия к системе современных обществ [Памяти Талкотта Парсонса (1902–1979)] // А.Г. Здравомыслов. Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. М.: Наука (*Zdravomyslov A.G. (1999) From Social Action to the System of Modern Societies [In memory of Talcott Parsons (1902–1979)] // Zdravomyslov A.G. Sociology of the Russian Crisis: Articles and Reports of 90s. Moscow: Nauka*).
- Здравомыслов А.Г. (2008) Социология: история, теория, практика. М.: Наука (*Zdravomyslov A.G. (2008) Sociology: History, Theory, Practice. Moscow: Nauka*).
- Интервью В.Ж. Келле Б.М. Фирсову (2008) // Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге (Interview with Kelle V.J. by Firsov B.M. (2008) // Firsov B.M. Differences of View in the USSR. 1940–1960's: History, Theory and Practice. St.Petersburg: Publishing House of St.Petersburg European University).
- Келле В.Ж. (2008) Я мыслю, и, значит, я существую (интервью) // Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге (Kelle V.J. (2008) I Think, Therefore I Am (interview) // Firsov B.M. Differences of View in the USSR. 1940–1960's: History, Theory and Practice. St.Petersburg: Publishing House of St.Petersburg European University).
- Кон И.С. (1964) Позитивизм в социологии: Исторический очерк. Л.: Изд-во ЛГУ (*Kon I.S. (1964) Positivism in Sociology: Historical Overview. Leningrad: Publishing House of LSU*).
- Кон И.С. (2008) 80 лет одиночества. М.: Время (*Kon I.S. (2008) 80 Years of Solitude. Moscow: Vremya*).
- Мертон Р. (1965) Социология сегодня: проблемы и перспективы. М. (*Merton R. (1965) Sociology Today: Problems and Prospects. Moscow*).
- Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. (2008) Социология и власть (как это было на самом деле). М.: ЗАО Издательство Экономика (*Osipov G.V., Mockvichev L.N. (2008) Sociology and Power. How Was It in Reality. Moscow: Publishing House Ekonomika*).

- Попов А. (2005) Зарубежная Россия: Памяти Джорджа Фишера // Русская газета. № 29/2005 // http://_russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/fiber (Popov A. (2005) Russia Abroad: In Memory of George Fisher // Russkaya Gazeta. № 29/2005 // http://_russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/fiber).
- Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов: Документы (2000). М.: Московская школа политических исследований (Media in Society (1959–2000). Estimates of Journalists and Sociologists: Documents (2000). Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy).
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах (1999). Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та (Russian Sociology of 60s in Memories and Documents (1999). Executive Editor and Author of the intr. Batygin G.S.; Editor-compiler Yarmoluk S.F.. St.Petersburg: Publishing House of Russian Christian Institute for the Humanities).
- Социология в России (1998) / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН (Sociology in Russia (1998) / Ed. by Yadov V.A. 2nd ed., rev. ed. Moscow: Publishing House of IS RAS).
- Социология и власть (1997): Документы и материалы. 1953–1968. Сборник 1 / Под ред. проф. Л.Н. Москвичева. М.: Academia (Sociology and Power (1997): Documents and Materials. 1953–1968. Collection 1 / Ed. by prof. Moskvichev L.N. Moscow: Academia).
- Структурно-функциональный анализ в современной социологии (1968). М. (Structural and Functional Analysis of in Contemporary Sociology (1968). Moscow).
- Фирсов Б.М. (2001) История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге (Firsov B.M. (2001) The History of Soviet Sociology 1950–1980's: A Course of Lectures. St.Petersburg: Publishing House of St.Petersburg European University).
- Фирсов Б.М. (2008) Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге (Firsov B.M. (2008) Differences of View in the USSR. 1940–1960's: History, Theory and Practice. St.Petersburg: Publishing House of St.Petersburg European University).
- Фишер Дж. (2008) Наука и политика. Новая социология в Советском Союзе. Итака (штат Нью-Йорк: Центр по изучению международных проблем Корнелльского университета: 1964) // Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече (Fisher G. (2008) Science and Politics. New Sociology of the Soviet Union. Ithaca (NY: Center for International Studies, Cornell University: 1964) // Sociology in the USSR: a View from the Inside and from the Outside in the Works of Gennady Osipov, George Fisher, Ilya Zemtsov, Alex Simirenko. Moscow: Veche).
- Шубкин В.Н. (1996) Насилие и свобода. М.: На Воробьевых горах (Shubkin V. (1996) Violence and Freedom. Moscow: Na Vorobievih gorah).
- Becker H., Boskoff A. (eds.) (1954) Modern Sociological Theory in Continuity and Change. New York.
- Firsov B. (2000) Une histoire ordinaire, ou pourquoi Pitirim Sorokin n'a pas pu, au crepuscule de la vie, revoir la Russie // Transitions / Bilan de la culture soviétique. Vol. 10, №. 2 (Institut Europeen, Universite de Geneve).
- Fisher G. (1964) Science and Politic: The New Sociology in the Soviet Union. Cornell University Press.
- Goode W.J., Hutt P.K. (1952) Methods in Social research. New York: McGraw-Hill.
- Gouldner A. (1970) The Coming Crisis of Western Sociology. New York: Basic Books.
- Merton R.K. (1960) Sociology Today: Problems and Prospects. New York.

- Merton R.K., Riecken H.W.* (1962) Notes on the Sociology of the USSR // Current Problems in Socio Behavioral Research. Symposia Studies. Series N 10. Washington: National Institute of Social and Behavioral Science, November 1962.
- Parsons T.* (1964) The Motivation of Economic Activities // Essay in Sociological Theory.
- Parsons T.* (1965) An American Expression of Sociology in the Soviet Union // American Sociological review. February 1965. Vol. 30.
- Parsons T.* (1968) The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. 1968. Vol. 1.0.